

РИНА ОРЕ

МЕРИДЕЯ ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

ПИБЕЛЬ ЛОДЭТСКОГО ДЪЯВОЛА

II

ТОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рина Оре

**Гибель Лодэтского
Дьявола. Второй том**

«Автор»

2019

Рина Оре

Гибель Лодэтского Дьявола. Второй том / Рина Оре — «Автор», 2019

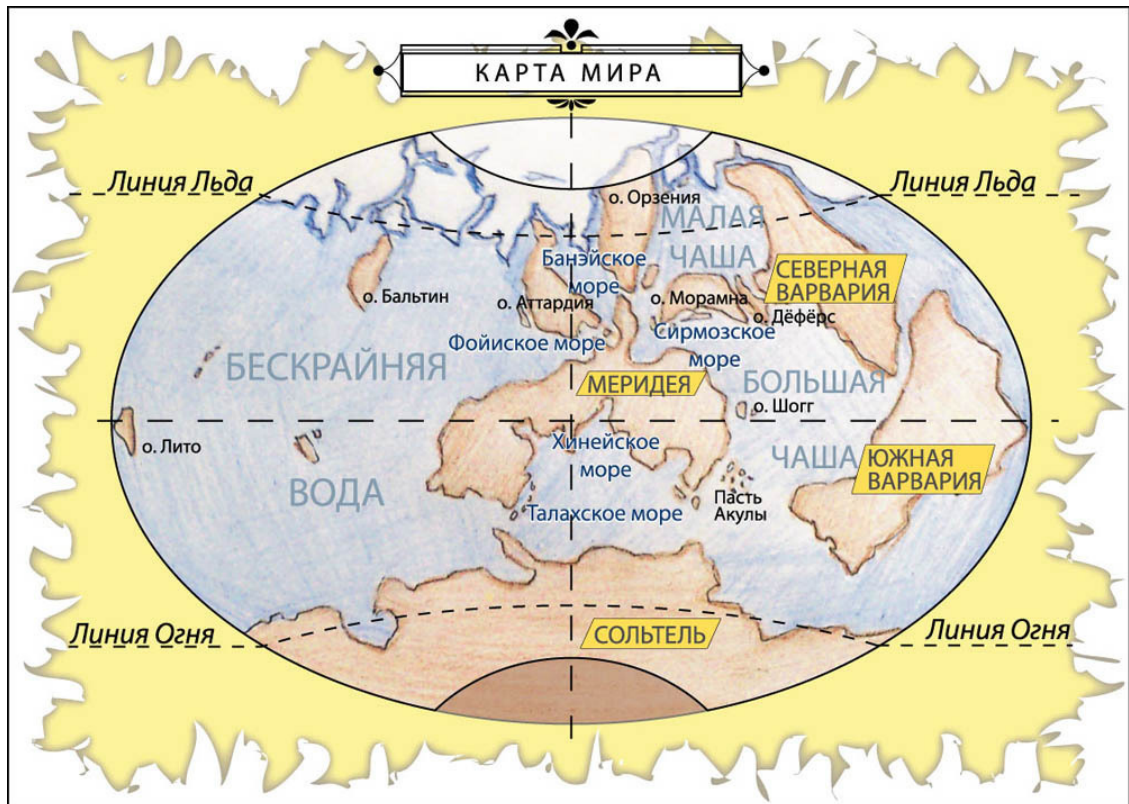
Идеей для историй о Меридее послужила средневековая легенда «Роберт Дьявол», легенда о рыцаре, который прославился своими пороками, а затем встал на путь благих дел. Всё начинается в огромном по меркам Средневековья городе, среди небогатых лавочников и успешных дельцов, аристократов и бродяг, рыцарей и воинов простого звания, астрологов и алхимиков, праведников и демонов... И в этот город приходит война, меняя жизнь главной героини, Маргариты, ее воззрения и чувства. Иллюстрации и обложка книги выполнены автором. Содержит нецензурную брань.

© Рина Оре, 2019

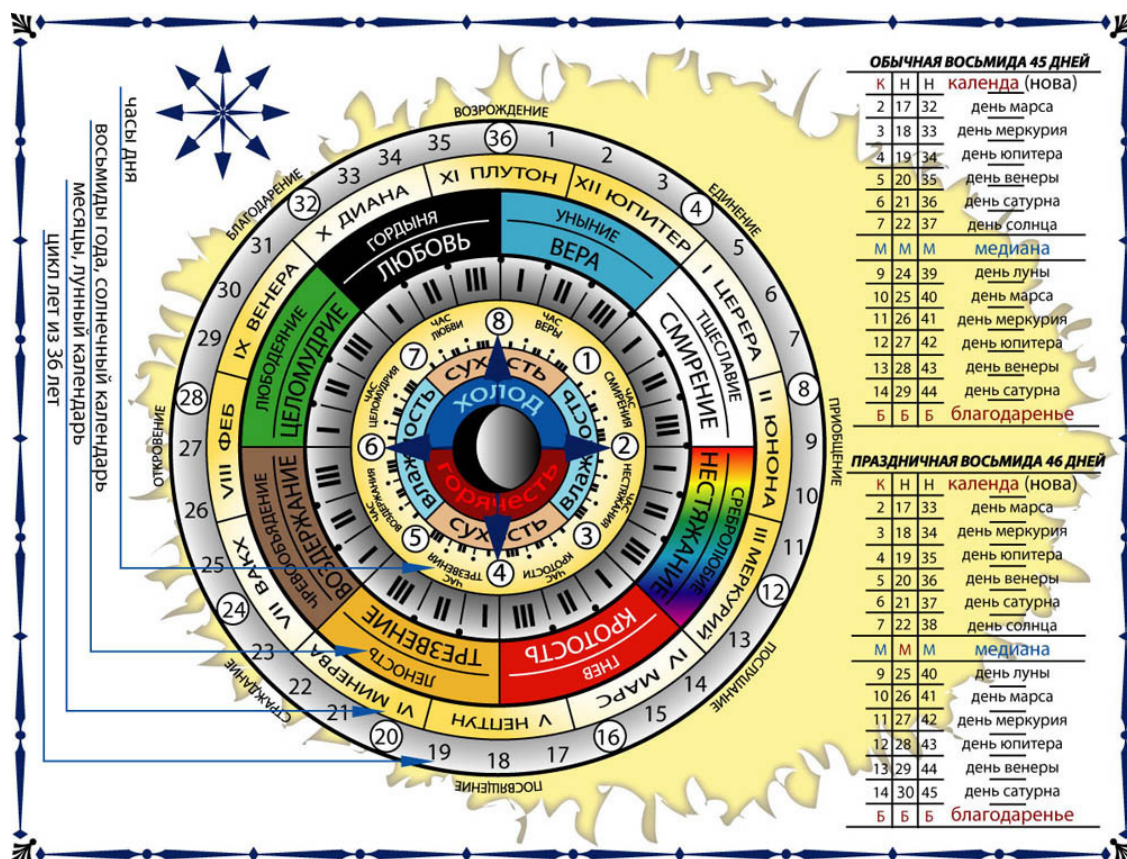
© Автор, 2019

Содержание

Времяисчисление Меридеи	6
Праздники Меридеи	9
Глава XIII	11
Глава XIV	37
Глава XV	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Времяисчисление Меридеи

Цикл лет – 36 лет (период между столкновениями светил)

Год – 365 дней или 8 восьмида по числу Добродетелей и Пороков

Високосный год – 366 дней (раз в четыре года)

Восьмида года – 45 или 46 дней

1 – Вера (Уныние) – 46 дней

2 – Смирение (Тщеславие) – 45 дней

3 – Нестяжание (Сребролюбие) – 46 дней

4 – Кротость (Гнев) – 46 дней

5 – Трезвение (Леность) – 45 дней (в високосном году – 46 дней)

6 – Воздержание (Чревообъядение) – 45 дней

7 – Целомудрие (Любодеяние) – 46 дней

8 – Любовь (Гордыня) – 46 дней

Триада (треть восьмида) – 15 дней в обычную триаду, 16 дней, когда празднуются Юпитералий, Меркуриалий, Марсалий, Великие Мистерии, Венераалий или Сатурналий.

Календа – 1-ый день восьмида или 1-ый день 1-ой триады

Нова – 1-ый день 2-ой и 3-ей триады

Медиана – середина триады

Благодаренье – конец триады (день посещения храма)

Дни в триаде: 1 – календа или нова, 2 – день марса, 3 – день меркурия, 4 – день юпитера, 5 – день венеры, 6 – день сатурна, 7 – день солнца, 8 – медиана, 9 – день луны, 10 – день марса, 11 – день меркурия, 12 – день юпитера, 13 – день венеры, 14 – день сатурна, 15 – благодаренье

День – 16 часов (8 часов от полуночи до полудня и 8 часов от полудня до полуночи)

Час – 72 минуты

Часы дня:

- 1 – час Веры
- 2 – час Смирения
- 3 – час Нестяжания
- 4 – час Кротости
- 5 – час Трезвения
- 6 – час Воздержания
- 7 – час Целомудрия
- 8 – час Любви

Триада часа (треть часа) – 24 минуты

Век – 128 лет

Век человека – 72 года

Возраст Единения – 4,5 года

Возраст Приобщения – 9 лет

Возраст Послушания – 13,5 лет

Возраст Посвящения – 18 лет

Возраст Страдания – 22, 5 года

Возраст Откровения – 27 лет

Возраст Благодарения – 31, 5 год

Возраст Возрождения – 36 лет

Второй возраст Благодарения – 40,5 лет

Второй возраст Откровения – 45 лет

Второй возраст Страдания – 49,5 лет

Второй возраст Посвящения – 54 года

Второй возраст Послушания – 58, 5 лет

Второй возраст Приобщения – 63 года

Второй возраст Единения – 67,5 лет

Второй возраст Возрождения – 72 года

Месяцы:

- 1 – Церера
- 2 – Юнона
- 3 – Меркурий
- 4 – Марс
- 5 – Нептун
- 6 – Минерва
- 7 – Вакх
- 8 – Феб
- 9 – Венера
- 10 – Диана
- 11 – Плутон
- 12 – Юпитер

Начало месяца – появление луны.

Праздники Меридеи

Возрождение – начало года, начало восьмиды Веры, середина зимы

Юпитералий (празднество мертвых) – 23-24-ый день Веры

Перерождение Воздуха – начало весны, начало восьмиды Смирения

Весенние Мистерии – середина весны, начало восьмиды Нестяжания

Меркуриалий (празднество искусств и ловкости) – 23-34-ый день Нестяжания

Перерождение Воды – начало лета, начало восьмиды Кротости

Марсалий (празднество воинского мастерства) – 23-24-ый день Кротости

Летние Мистерии – середина лета, начало восьмиды Трезвения

Великие Мистерии – 23-34-ый день Трезвения в високосном году

Перерождение Земли – начало осени, начало восьмиды Воздержания

Осенние Мистерии – середина осени, начало восьмиды Целомудрия

Венераалий (празднество любви и счастья) – 23-24-ый день Целомудрия

Перерождение Огня – начало зимы, начало восьмиды Любви

Сатурналий (празднество веселья в память о Золотом веке) – 23-24-ый день Любви

Судный День и Темная Ночь – конец года, 46-ый день Любви

Главный Судный День и Темнейшая Ночь – 46-ый день Любви 36-го года или конец цикла из 36 лет (високосный год)

Великое Возрождение – 1-ый день Веры 1-го года или начало цикла лет.

Глава XIII

Желтая роза на могиле Блаженного

Божий Сын в Святой Книге назвал женщин созданиями с более высокой душой и чистой плотью, поэтому спрос с них за погрешение Добродетели Целомудрия был намного строже, чем с мужчин. А росли души женщин выше, как объясняло знание, поскольку в их плоти имелось с достатком стихии Воды – Пороков, любви и удовольствий, – стало быть, обилие нежных наслаждений куда быстрее превращало плоть женщин в болото и губило дерево души. От блудниц могла отказаться родня, их нередко забивали камнями соседи, уличным девкам разрешалось проживать лишь на окраинах городов и там, где размещались лупанары.

Детоубийство и женская неверность карались законом особенно сурово, причем, даже если муж не имел претензий к поведению жены, в суд могли подать соседи, родня мужа или хозяева дома, где супруги проживали, – если им удавалось доказать вину обвиняемой, то ту приговаривали к наказаниям разной степени тяжести. Неисправимых преступниц казнили или насильно закрывали в монастырях, детоубийц зарывали по шею в землю, иногда сажали в бочку с нечистотами, – и те умирали в мучениях да позоре через пару дней. За то, что незамужняя особа понесла, ее приговаривали всего к шести ударам плети, младенца мог взять на воспитание приют, а по окончании пенитенции, наложенной священником, общество прощало грешницу, но всё равно иногда меридианки по самым разным причинам не желали рожать и прибегали к снадобьям, услугам особых повитух или лекарей. Иные страдали от весьма пространного бесплодия, да и дети гибли часто: от недугов, при недосмотре или просто так. В семьях землеробов и то доживало до совершеннолетия не более трех-четырех отпрысков, горожане ограничивались одним или двумя наследниками, отдавая предпочтение сыновьям, будущим кормильцам.

В плоти мужчин преобладала стихия Огня, и легковое распутство не наносило вреда их душам: неверность, сладострастие или блуд с женщинами священники прощали раскаявшимся грешникам, закон же как максимальное наказание брал с мужчин денежное взыскание, но если только они не уличались в осквернении плоти, чужой или собственной. Соблазнение взрослой женщины (достигшей семи лет) преступлением не являлось – семья должна была следить за поведением незамужней девушки и воспитывать ее в нравственности. Любое насилие над собственной женой, если оно обошлось без смерти, тоже не каралось законом. Никак не разыскивали и тех, кто обманом опаивал дам, порой девиц, снотворными зельями, исчезая поутру, – вся полнота позора ложилась лишь на их жертву. Знание гласило, что от природы приземленные мужчины из-за своей сухой плоти, чтобы гасить Огонь, имели потребность в стихии Воды (в том числе в наслаждениях), а мужское вождение проповедники сравнивали со змеей, «желающей по своему естеству полакомиться в большем числе гнезд», и предостерегали женщин от падения такими советами: не обольщаться сладкими речами, не оставаться с мужчинами наедине, тем более в спальнях покоях, не носить вызывающих одежд, распалюющих жар, и не забывать прятать волосы, – в противном случае «за разоренное гнездо» винить только себя.

Конечно, можно было потребовать от растлителя жениться через суд, однако редкие женщины были готовы на это пойти, так как требовалось во всеуслышание рассказывать подробности, исходя из каких, судья выносил приговор – и далеко не всегда вставал на сторону пострадавшей. То же касалось надругательства – несчастной приходилось описывать свое бесчестье перед судьей, адвокатом и зеваками, поэтому обычно с насильниками потихому расправлялись родственники дамы.

К греху сладострастия, к потворству Пороку Любодеяния, Экклесия приравнивала и пылкую страсть между супругами. Из-за этого благонравные жених и невеста (а потом муж

и жена) никак не проявляли на людях своих чувств – поцелуй руки, означающий преклонение, считался приличным, но объятия или иные нежности порицались обществом. Идеальная супружеская пара должна была общаться в свете друг с другом холодно: «чтобы ни у кого не возникло подозрений о плотской необходимости их отношений». Зато мужчины, равные по положению, могли прилюдно лобызать друг друга в щеки, патроны целовали подопечных юношей в лоб, аристократы позволяли низшему сословию в качестве щедрой милости коснуться устами своих одежд. Женщину мог поцеловать в щеку в знак благодарности ее младший родственник, в лоб – старший родственник или супруг, тем самым выражая свое покровительство; и ей допускалось поцеловать мужчину в щеку, но только своего родственника. На помолвке, после клятв, тоже обменивались поцелуями в щеку: так невеста принимала жениха в свою семью, а он «вводил даму в свой род как ту, которой пока не мог указывать», – и до венчания невеста не должна была позволять большего, чем поцелуй своей руки. Поцелуй в губы объединял души и приравнивался к близости – даже поцелуй между супругами на глазах других считался культурными людьми развратом: находясь в обществе, супруги обменивались поцелуями в глаза перед длительной разлукой и при долгожданной встрече. Подкрепляли поцелуем, помимо подписи, и важные грамоты. Пощечина означала противоположность поцелую, оскорбительное наказание, какое следует дать нижестоящему, но пощечина между равными по положению приводила к дуэли. Если оплеуха случалась между мужчиной и женщиной, то ответственность переходила к покровителю дамы, то есть, если ударили ее, то родственник мстил за ее унижение, если она – то держал ответ. Из этого следовало, что муж мог прилюдно оскорбить пощечиной жену, так как был ее господином, или незамужнюю дочь. Женщина же без последствий могла раздавать затрещины тем, кому покровительствовала: незамужним дочерям и воспитанницам, сынам до их отрочества, служанкам и прислужникам. Но унижение пощечиной рыцаря разрывало связь Прекрасной Дамы и ее слуги. Обществом вообще осуждалось, если женщина неблагоразумно распускала руки на мужчин, даже на домашнюю прислугу или землеробов (для этого у нее был супруг), понукание мужа или буйный нрав слабого пола высмеивались, и лишь пощечина как последний довод против домогательств одобрялась. Огромное значение придавалось жестам: кулак всегда означал силу, открытая ладонь – незлобие, удар ладони о ладонь – уговор (обычно на спор), соединение ладоней крестом – клятву, сплетение пальцев – союз. Воины, братаясь, соединяли «замком» одни и те же руки (знаком единства в знак равенства); жених и невеста на венчании – противоположные руки.

Экклесия равно хвалила как целомудрие, так и благопристойные союзы. Похоть полагали частью силы вражды, а любовь их противоположностью. Именно духовная любовь, лежащая в основе супружества, приводила к рождению красивого и нравственного потомства: чем умереннее супруги вели себя при зачатии ребенка, тем благонамереннее получался их отпрыск. Должно быть, по причине чрезмерного усмирения страсти, на беду своих родителей и урождались девушки, которые наотрез отказывались выходить замуж, но удалиться в унылые монастыри тоже не желали. Дабы не случилось подобной нелепости, меридианцы предпочитали ночью отступать от предписаний Экклесии, тем более что весь грех сладострастия ложился на мужа – долгом жены были покорность во всем супругу, верность ему, ведение домашнего хозяйства и воспитание детей.

Испокон веков женщинам в Меридее надлежало следовать за мужчинами: за отцом, братом, супругом или сыном, возложить на них свою судьбу, разделять все принятые главой семьи решения и поступать согласно его воле. То, что женщины, даже вдовы, не имели равных прав с мужчинами, объяснялось их беззащитностью на протяжении всей жизни – сначала по малолетству, затем при материнстве и старости, а как следствие, ненужностью таких прав. Супружество спасало женщин от падения в Порок Любодееяния, от полноты ответственности перед законом и дарило почетное занятие – служение своей семье. Таким образом, вдову, тем более бездетную, осуждать за новый союз, пусть и скорый, никто в Меридее не стал бы.

Маргарита вернулась в зеленый дом Ботно, хотя две восьмиды назад клялась, что лучше отрежет себе ноги, чем так поступит, однако всё разительно переменялось. Дядюшка настоял на том, чтобы ее комнатой стала бывшая спальня Оливи на втором этаже, а тетка Клементина не высказала возражений. Она не скандалила, не говорила Маргарите дурных слов, вот только с недоверием поглядывала на племянницу, чего только не подозревая, так как окончательно убедилась в ее порочности. Она видела Маргариту отъявленной распутницей, нарушившей клятву верности и соблазнившей жутковатого Ортлиба Совиннака, но в то же время размышления о богатстве, высоком положении и могуществе градоначальника согревали душу Клементины Ботно. Она не знала, как же ей в конечном счете относиться к Маргарите: тетке хотелось и сурово осуждать ее, и горячо хвалить.

В последний день восьмиды Трезвения началось двухдневное празднество Перерождения Земли. Торжества в Элладанне еще были под запретом, и горожане мало-помалу привыкали обходиться без народных гуляний. Из развлечений у них остались казни и полуденная служба, какую Маргарита пропустила, поскольку вдовам в трауре надлежало затвориться в доме и молиться в уединении. Единственное, куда ей разрешалось выходить, – это к духовнику. После праздничной службы дядюшка Жоль и тетка Клементина отправились к Себесро, Филипп убежал к Нинно, а Маргарита с удовольствием осталась одна в зеленом доме, ничуть не чувствуя себя обделенной. От Ортлиба Совиннака она получила письмо, в каком он просил ее дядюшку зайти в ратушу сразу после календы. Письмо не являлось любовным посланием – деловитое и холодное, оно тем не менее окрылило Маргариту. Оставшись одна в доме, девушка перечитывала его несколько скупых строк, целовала бумагу и любовалась размашистым почерком градоначальника.

С календы начался пост длиной во всю восьмиду Воздержания. Меридианцы в течение этого срока не ели жирного, мясного, молочного и яичного, не пили пива или вина, забывали про приторные сласти и пышные хлеба. Впрочем, в эту восьмиду собирали урожай, и больших неудобств лиисемцы не чувствовали, разве что собаки грустили из-за питания рыбьими головами вместо «сахарных костей». Рынки города наводнялись фруктами – всю восьмиду на столах лежали груши, красные яблоки, инжир, айва; к концу восьмиды поспевали каштан, грецкий орех, мушмула и гранат; из леса горожане приносили грибы, сосновые шишки и последние ягоды малины. В кореньях, так презираемых богачами, тоже не возникало недостатка – репа, редька, редис, репчатый колокольчик, пастернак, петрушка, хрен вместе с капустой и бобовыми отправлялись в котелок на сытную похлебку. Из моркови, тыквы горлянки, корней лопуха, сахарного корня и аира готовили десерты. Бобовые добавляли на время поста во все основные блюда: горох и нут кушали даже аристократы, неизысканные чечевицу и вигну потребляли те, кто победнее, причем вигна, особенно с соком руты, помогала женщинам прервать беременность и оказывалась полезной тем, кому изнурение не позволяло выносить здорового ребенка или выжить после родильной горячки.

Животное молоко на время поста заменяли миндальным или грецким, реже маковым или овсяным. Из такого молока умельцы изготавливали яйца, без каких орензчане даже в пост не желали начинать день. Реки и озера служили источниками рыбы, раков и миног. С побережья Хинейского моря в Элладанн привозили селедку, морских ежей, каракатиц, мясо дельфинов. Словом, люди тосковали лишь по веселящим напиткам, тем более что со дня меркурия начиналось производство вин. В дом Ботно с того же дня потянулись учителя.

Каждый день до полудня Маргарита посвящала урокам меридианского языка, после полудня ей преподавали Культуру, Историю и Географию. Другие нужные для образованной дамы науки (вышивание, верховую езду, игру на музыкальном инструменте и танцы) оставили на дни после траура. Все занятия оплачивал градоначальник, но соседи пока считали, что это

очередная блажь Жоля Ботно. Исполненная благодарности Маргарита старалась стать достойной супругой Ортлибу Совиннаку и с рвением впитывала новые для себя знания.

Храм Пресвятой Меридианской Праматери юная вдова посещала в сопровождении дяди, своего второго отца. Раз в триаду, по дням луны, Маргарита по пути к храму миновала дом Марлены, не решаясь побеспокоить бывшую сестру, и всё же надеясь однажды встретить ее на крыльце. Двадцать четвертого дня Воздержания, после своего второго урока Боговедения, Маргарита осмелилась позвонить в дверной колокольчик, чтобы поздравить Марлену с ее восемнадцатым днем рождения. Дом управителя замка выглядел пустым, и никто не отворил дверей. Возможно, Марлена тоже пошла к духовнику, к брату Амадею, но Маргарита, как того желал градоначальник, в храм Благодарения больше не навещалась.

Из-за изрядного, широкого носа с горбинкой епископ Аненклétус Камм-Зюррò походил лицом на хищную птицу, на «стервятника-трупоеда» (крупный гриф). Настораживали и его изогнутые крыльями брови, и яркий рот красноватого оттенка. Излишне высокий лоб свидетельствовал об уме прелата, седые виски благородным серебром оттеняли его черные волосы и тоже внушали уважение, но влажные, матово-лаковые глаза епископа с неподдельным интересом смотрели на прихожан, словно он оценивал их годность для трапезы, – таким он показался Маргарите впервые, когда, еще до гибели Иама, она увидела его на службах в храме Пресвятой Меридианской Праматери. Однако стоило юной вдове познакомиться с епископом, как тот ее очаровал. Его бархатистый голос будто гладил уши, проникая в голову, добирался до души и обволакивал ее теплым, мягким, меховым покрывалом: на сердце становилось спокойно, в теле и разуме – сонно. В своем роскошном ярко-синем одеянии, с серебряной звездой на груди и перстнем-крестом на левом мизинце, Аненклетус Камм-Зюрро чудился не наместником Святой Земли Меридиан, а наместником самого Бога. В отличие от брата Амадея, епископ с внешностью стервятника никогда не изрекал неоднозначных и удивляющих слов, хотя Маргарите пришлось обсуждать с ним очень неловкие вопросы из Святой Книги – о супружеской близости и не только.

Богознание, познание Бога, преподавали тем, кто избрал духовный путь. Миряне и воины учили Боговедение – получали сведения о Боге. Маргарита, как все меридианцы, познакомилась с Боговедением за восьмиду до обряда единения, то есть почти в четыре с половиной года. На первое занятие ее отвела еще живая мама, и случилось это в Бренноданне. Семьи провели в единитную залу под шатром Венеры, где священник рассказал о ритуале и открыл детям главный догмат меридианской веры: «Между Линией Льда и Линией Огня, за какими жизни уже не существует, между последним островом Литó в Бескрайней Воде на западе и предельной оконечностью Южной Варвании на востоке, в сердце континента Меридея, в Святой Земле Меридиан, находится центр мира – святое место, ступив на какое ровно в полдень, человек предстает перед Богом и получает по заслугам». Это и был вызов Экклесии на Божий Суд. Виновного ударяла молния, «Божий Огонь», а если человек оставался жив, то с него снимались обвинения и он считался оправданным, несмотря ни на какие доказательства обратного. Именно там, в центре мира, Пресвятая Праматерь, отмолив грехи человечества, получила в дар от Бога сына и спасителя людей. С того же святого места, где когда-то давным-давно стоял храм Жертвенного Огня, и началась меридианская вера. Божий Сын назвал город в центре мира «Меридиан» или «Полуденный» с языка древних, верующие стали величать себя меридианцами. Четырём континентам они дали имена, исходя из мифа «О богине Порядка, Мера Деа»: меридейцы называли себя возлюбленными богини Меры, перемешав веру с языческими сказаниями, ведь сразу человек не мог принять всё новое и отвергнуть прошлые заблуждения. Со временем, дабы сильнее отдалить людей от язычества, Экклесия заменила несколько букв, превратив «Мерадеа» в «Меридея» («е» читается как «э»). Кстати, инструменты богини Порядка – весы, змея и рог изобилия, стали символами мирского суда.

Божий Сын принес людям веру и знание о времени, планетах и стихиях, а также о плоти, душе и их связи, о едином Боге, Дьяволе и Конце Света из-за столкновения светил. Однако люди могли предотвратить гибель мира. В знании говорилось, что Добродетели и Солнце – это одна стихия Огня, Пороки и Луна – стихия Воды. Добродетели притягивали к Гео первую от нее планету Солнце, Пороки – вторую планету, Луну. Неправедная жизнь и нарушила порядок: Луна приблизилась к Гео, Солнце же оттолкнулось, поэтому раз в сто двадцать восемь лет високосный год более не наступал, а светила могли уничтожить друг друга в конце любого года. Когда у человечества осталась последняя возможность спастись, Бог сжалился над неблагодарными людьми, внял мольбам чистой девы и отправил с Небес на землю божественную душу, часть своего света.

Божий Сын разбил года на циклы из тридцати шести лет между неизбежными столкновениями светил, когда он спасал Гео. В остальное время люди должны были сами предотвращать Конец Света. Для этого он разделил год и день так, чтобы получилось восемь частей – восемь Добродетелей с Пороками. От людей требовалось следовать указаниям часов и календаря, не грешить одним или двумя Пороками в определенное время, явить Добродетели, а кроме того, стараться жить праведно ради самих себя, – так люди спасали и мир, и собственные души. Так они следовали путем меридианской веры.

Меридианский крест со стрелами означал исход веры из ее колыбели, из Святой Земли Меридиан, и важность ее распространения ради спасения мира, даже ценой войны. Меридианскую звезду или удвоенный меридианский крест Божий Сын назвал главным числом, символом начала и конца, то есть восьмеркой, поделенной надвое, – вот и при молитве следовало соединить восемь пальцев «домиком», мизинцы перекрестить; при глубокой молитве – «уронить лицо в руки», приставив большие пальцы к подбородку, а указательные ко лбу. Священники, вместо мизинцев, перекрещивали большие пальцы и подносили их к устам.

В помощь людям первый Божий Сын сотворил ручной сатурномер. По нему каждый мог узнать свой крест из Пороков и Добродетелей, счастливый металл и цвет, полезные для себя травы и плоды, а также гумор и гуморальные соки, чтобы правильно лечиться. Он же написал в Святой Книге о небесном Рае и о том, каким путем туда может попасть душа. Описал он и подземный Ад с его восемью рвами, последний из которых, центральный, пламенел столбом. Назывался он «Пекло» – там за отсечение себя от Бога душа сгорала навек и становилась противоположностью Божьему свету. Омывался Ад широкой рекой из крови и слез грешников, рекой Ахерон, где жили чудовища, не пропускавшие живых в царство Дьявола. Демоны, черти и бесы тоже не могли преодолеть кровавую реку и самовольно покинуть Ад.

В первой главе Божий Сын объяснил Добродетели и Пороки, в том числе Целомудрие. Он описал нравственный, узаконенный Богом союз мужчины и женщины, повелев обоим хранить верность. Более с супругой нельзя было расстаться в любой момент, прогнать ее из дома или убить, забрав себе приданое, да жена могла быть только одна, как и муж. В конце главы Божий Сын оставил завет своим восьми ученикам, восьми кардиналам, распространять веру среди людей, чтобы предотвратить Конец Света, а сам принял смерть на кресте и своими страданиями, что тоже имели стихию Огня, притянул Солнце к Гео. Все время мучений он улыбался, ведь не имел обид, злобы или ненависти, а едва светила разошлись – его душа возродилась в его же годовалом сыне. Редкие люди, монахи и праведники, в конце високосного года удостоивались чести взойти на крест и, подобно Божьему Сыну, своими предсмертными страданиями, чистыми от сил вражды, притянуть Солнце, спасая людей. Их называли мучениками веры, после гибели приравнивали к святым и увековечивали их кости в статуях.

Божий Сын обладал необычной кровью, поскольку был божеством в человеческом теле; его душа, состоявшая сразу из четырех стихий, меняла плоть и ее гуморальные соки. Попадая на кожу человека, божья кровь впитывалась без остатка, – так и определялось: возродился ли Божий Сын, приобрел ли младенец это чудесное свойство с виду самой обычной крови.

Капелька божьей крови давалась ребенку в дар при обряде единения. Короли имели помазание дважды. При коронации на их лоб наносился крест, и если он не исчезал во время церемонии, то кровь изобличала отъявленного грешника, а Бог не разрешал ему править. Епископы также проходили второе помазание, но знаком звезды. Кардиналы имели три помазания, поскольку получали высочайшую власть и отвечали за взросление Божьего Сына. К возрасту Послушания Божий Сын полностью возвращал себе память о прошлых перерождениях, далее он путешествовал, скрывая свою личность, смотрел на нравы людей. Как он жил до Главного Судного Дня, оставалось загадкой, непосвященные ничего не знали и о его семье. Поговаривали, что он мог менять внешность, становиться невидимым, творить любые чудеса, исцелять и даже оживлять, однако так помогать людям ему запретил Бог: праведно живущего меридианца ждал Рай, поэтому важна была лишь забота о душе. С возраста Благодарения Божий Сын работал над новой главой Святой Книги, оставляя запись в семьдесят две строки. Экклесия следила за исполнением его предписаний и распространяла обновленную Святую Книгу среди верующих.

Каждые четыре года Экклесия издавала «Книгу Позора» и «Книгу Гордости». Раньше, когда книги переписывались от руки, эти летописи стоили дорого, но с появлением книгопечатания их стало возможным купить за тридцать шесть регнов. Можно было арендовать эти книги или прочесть их в любом храме. Все образованные люди обязательно изучали их в университетах как часть Истории. В «Книгу Гордости» Меридеи попадали кардиналы, мученики веры, лауреаты искусств и, за выдающиеся, безукоризненные подвиги, рыцари. Таких воинов называли героями. Они носили золоченые шпоры с меридианской звездой, имели привилегии и всеобщий почет, служили примером для подражания. В «Книгу Позора» Меридеи попадали самые гнусные из злодеев: вероотступники, богоборцы, отлученные от веры... В обеих книгах содержались жизнеописания с упоминанием родни и союзников, ведь человек разделял срам или почести с близкими. Только имена женщин никогда не попадали в «Книгу Позора», поскольку они не имели равных прав с мужчинами и не несли полной ответственности за их преступления. Для благородного, знатного человека нелестное упоминание его имени в «Книге Позора» было страшнее гибели – так, угрозой вечного бесчестья, Экклесия могла влиять на могущественных, облеченных властью аристократов, в том числе на королей, предупреждая нарушения духовных законов и нападения на храмы.

Это узнала Маргарита в четыре года, на своем первом уроке Боговедения. Конечно, запомнила она тогда мало, но потом ей всё еще раз повторили на следующем уроке, в восемь лет, когда она стала взрослой. Другие три ее урока и приобщение случились уже в Элладанне. Она беседовала со священником в исповедальне и тогда узнала, что люди раньше тоже достигали в своем развитии больших высот, но неизбежно все древние культуры одинаково гибли в войнах, а до того начинали поклоняться Порокам, гордиться развращенностью, переставали трудиться, заводили рабов и высмеивали Добродетели. Именно древние люди уже погибших и позабытых культур за великое множество лет нарушили порядок и сблизили светила.

Священник настаивал на том, чтобы восьмилетняя Маргарита делилась с ним сомнениями, думала над тем, что узнала, и задавала ему вопросы. Он же на них отвечал. Она спросила: «Почему ее родители рано умерли и Бог заставил ее страдать?» Священник объяснил ей, что страдания подобны лучам животворящего светила – Солнца. Она страдала, и ее душа стала чище, поэтому в час Веры стоило принести хвалу Создателю и быть готовой с радостью принять новые испытания, поскольку мученичество – это высшая награда. А если она справится и стойко перенесет горести, словно горькую пилюлю, то ее будет ждать и благо, как ложка сладкого вина в утешение. Не стоило ей огорчаться и из-за трех Пороков в своем кресте. Чтобы не попасть в Ад, надо было всего-то соблюдать предписания календаря и часов. Если же она хотела на розовые острова Элизия или стать после смерти частью Божьего света, то должна была стараться усерднее и полностью победить свои порочные склонности – не только не делать дурного, но и не помышлять о таковом.

Свет луны и любование ею, как сказал Маргарите тот же священник, усиливали дурные склонности людей, и они быстрее перерастали в Пороки, поэтому люди по ночам спали. Однако луны бояться не стоило: она наделяла Пороками человеческую плоть, но сама по себе не была частью Дьявола, как и солнце не являлось частью Бога. Оба светила приносили равновесие в мир, а то, что люди сами нарушили развращенностью Порядок и теперь из последних сил боролись за выживание, в этом Солнце и Луна вовсе не были виноваты.

Спрашивала восьмилетняя Маргарита и про Священную войну, ведь ей было жалко убитых людей, даже безбожников. Ей объяснили, что Священная война, спасая мир, еще оберегает другие души от безбожия и Пекла. Души варваров-язычников не сгорали в Аду, поскольку язычники не имели Гордыни и Уныния – они догадывались, что есть некая высшая сила над ними. Безбожники же не поклонялись никому и ничему. За это Дьявол полюбил их земли, обманул тех людей, живущих у Линии Огня, и они предавались Порокам нарочно, чтобы оттолкнуть подальше Солнце от Гео и чтобы в их жарком континенте стало прохладнее, не подозревая, что приближают Конец Света. Жалость к безбожникам равнялась заблуждению, преступному и губительному для всех людей, ведь существование плоти – тлен, а их душам помочь было уже нельзя. Зато ее собственная душа, благодаря Священной войне, в следующем перерождении имела большую возможность не упасть в плоть безбожника и не отправиться в Пекло.

После первого приобщения Маргарита не изучала Боговедение: услуги духовника могли позволить себе лишь богатые люди. Вся мудрость веры и так была записана в Святой Книге, к тому же объяснялась на проповедях. Священники-духовники называли себя «сведущими друзьями» – с ними советовались и беседовали на любые волнующие темы.

Брат Амадей не мог бесплатно оказывать услуги духовника, вот он и приглашал Маргариту помогать ему в саду. Чтобы заполучить в свои духовники священника низшего, четвертого сана требовалось платить храму половину золотой монеты за каждую восьмиду. Подобные услуги от настоятеля храма стоили уже восемь золотых монет за три урока в восьмиде и за исповедь перед празднеством. Сколько стоила «дружба» одного из шестнадцати епископов Меридеи, священника второго сана, прелата и наместника Святой Земли Меридиан, Маргарита даже боялась предположить.

Ее беседы с епископом Камм-Зюрро происходили в исповедальне и занимали около часа. На первом уроке Боговедения Маргарита изучала последнюю, тридцать девятую, главу Святой Книги, где Божий Сын подробно писал о том, что есть осквернение плоти, живой или мертвой, чужой или своей. Самоубийство являлось одним из тяжелейших самоосквернений – за это преступление душа сразу попадала на суд Дьявола и если чудом не сгорала в Пекле, сохранив остатки веры, то проходила все семь рвов наказаний, получая в конце уродство. Тела самоубийц предавали огню, отдавая души во власть повелителя Ада, их имена стирали из Истории, кости тайно хоронили в лесу. За людоедство, за вскрытие покойников, за разорение могил или любое глумление над плотью мертвого меридианца налагалась высшая кара – погребение без очистительного огня, вследствие чего душу ждала ужасная участь извечно голодного и мерзнущего призрака. К такому наказанию понапрасну не прибегали, так как призраки в отместку пытались изводить тех, кто обрек их на страдания, то есть всех живых людей. За осквернение живой плоти тоже могла быть наложена высшая кара, но если дело не касалось колдовства или поклонения Дьяволу, то приговор выносил мирской суд или воинский, а не духовный. Не столь страшные виды осквернения плоти относились к греховным влечениям – за них назначались пенитенции. Епископ поведал порозовевшей от смущения Маргарите, что за поглаживания женщиной самой себя в срамном месте давался на одну восьмиду пост целомудрия и строгий пост воздержания (на пресном хлебе да воде), а в конце восьмиды требовалось народное покаяние – молитва на коленях перед ступенями храма. За потехи с подобиями детородных органов на женщин налагалась такая же пенитенция, только сроком в восьмиду цикла лет – все

четыре с половиной года, каждое благодаренье, такая грешница должна была стоять во время службы коленопреклоненной у крыльца святого дома. Не исполняя покаяния, меридианцы сильнее губили свои души и отвечали за это после смерти на суде Бога. Если же они доказали раскаяние и стойко перенесли наказание, то получали полное искупление – и уже никто не имел права их корить за былые прегрешения.

До макового цвета Маргарита покраснела, когда епископ заговорил про лунную кровь: она и без него знала, что на это время ее плоть осквернялась и ей запрещалось посещать храмы. Впрочем, епископ кратко затронул столь срамной вопрос, лишь объяснил Маргарите, что ее лунная кровь несет в себе смерть, что это нерожденное чадо и что муж должен не иметь с ней близости на срок кровотоечения, так как это приведет ее органы к бесплодию, а органы ее супруга к тяжкому осквернению: его семя отравится, станет несущим одни дурные задатки будущему ребенку или вовсе будет пустым. После кровотоечения ей следовало очиститься дарами стихий – без этого она грешила, посещая храмовые богослужения. Сами роды тоже несли в себе скверну – после рождения ребенка, спустя две триады, ей требовалось пройти со священником ритуал очищения молитвами, до того же снова не иметь близости с мужем.

«Содержание плоти в нечистоте» оскверняло только избравших духовный путь, но все меридианцы должны были ежедневно протираться мокрым полотенцем, а свежее убранство надевать не реже раза в триаду перед посещением храма, иначе за смрад могли получить покаяние. Высокое положение обязывало господ выходить в люди чистыми, выделяться среди «черни», красота равнялась в Меридее чистоте. Лучше всего было делать омовение перед сном и протирание водой с вином по утрам. Раз в год, к Возрождению, Божий Сын повелевал обновлять нательное белье и старого уже не носить, к своей плоти относиться с уважением, да без самолюбования содержать себя в опрятности и освежаться благоуханиями – ибо скверный запах впитывала душа, что прискорбно отражалось на ней и что вело разум к Лениности, Любодеянию и Унынию. Услышав о том, что она может, не помывшись, усилить сразу все три своих Порока, Маргарита поклялась: «Всегда, что бы ни случилось, буду очищать плоть дважды в день».

В конце первого урока, после столь откровенных бесед, она исповедовалась и покаялась за счастье, признавшись о терзавших ее муках за ложь Марлене. Епископ Аненклетус Камм-Зюрро будто бы улыбался черными, влажными глазами, но его красный рот оставался важным и строгим.

«Дочь моя, – ответил он ей тогда. – Ты всё делаешь верно: страдаешь и каешься. Человек – греховное существо, но твоя мука ведет тебя через страдание к очищению. Это верный путь к Богу и подходящее мироощущение для траура, однако по окончании срока скорби эти мысли должны тебя покинуть, как покинет душу твоего супруга память о прежней жизни. Всеу на Гео есть свой конец, даже страданию. Излишняя печаль способна перерасти в потерю надежды, в сомнения и неблагодарность Создателю, – в Порок Уныния, к которому Луна и так предрасположила твою плоть, а значит, и разум. Ты должна благодарить Нашего Господа за дар нового союза и верного служения будущему супругу в послушании ему и в покорности его желаниям. Сними траур к Осенним Мистериям и возрадуйся Божией милости на великом праздновании, а грех лукавства я прощаю тебе без наказания – ты заслужила очищение искренним раскаянием».

После этих слов совесть юной вдовы окончательно уgomонилась, и та со спокойной душой отдалась мечтаниям о супружестве с градоначальником.

С первого же дня, как Маргарита вернулась в зеленый дом Ботно, она к полудню приходила в лавку к дядюшке, где они вдвоем лицезрели выступление розовой принцессы – хлопали ей, а куколка крутилась, посылала им поцелуи и, уезжая в свой замок, приседала на прощание. Эта забава не надоедала ни дяде Жолу, ни его племяннице. После зрелища, Маргарита, при-

выкшая за время жизни с Марленой, каждый день, в час Веры, читать молитву, заставляла дядю поступать так же, ведь он ограничивался короткой похвалой Богу и благодарностью за то, что лавку и этой ночью не сожгли да не обокрали. Но побеждала не Маргарита. Хитрый дядюшка Жоль нашел строки в Святой Книге о Судном Дне перед Возрождением, где было написано, что заставлять себя поститься и молиться без душевной искренности – лишь делать хуже.

«Зато правдивая и горячая признательность во часу Веры, – добавил он, – угодит Нашему Господу побольшее, чем бубнеж псалмов из молитвослову».

Свои доводы дядюшка Жоль подкреплял конфетой и предлагал испить цветочного заvara, чтобы проникнуться счастьем перед вознесением хвалы. Всего за десять дней он взял верх над сладкоежкой-племянницей, а затем развратил и Филиппа – к такой молитве подросток с удовольствием присоединился и желал бы молиться еще чаще.

Возвращение Маргариты в дом дяди совпало с небывалым интересом городской стражи к Безымянному проезду, но Жоль Ботно тем не менее спал с топором, а на ночь выносил из лавки все наливки и аптечный товар. Его жена впервые радовалась храпевшему на сеновале деду Гибиху. В Элладанн, по словам дяди Жоля, «какого только сброду не понабёгло из Нонанданну»: даже бандиты, даже самые мерзкие из грабителей, «миродёры», предпочли держаться подальше от Лодэтского Дьявола – от того, для кого нет ничего святого. Со дня на день в Нонанданне готовились к штурму города, но враги не атаковали и не уходили из соседнего Тронта. Объясняли это страхом лодэтчан и ладикэйцев перед войском Лиисема, да вот почему-то всё больше и больше людей оставляли Нонанданн, укрепленный, словно неприступная скала.

Покидали и Элладанн. Рынки на четверть опустели; торговцы на них «всё миродёрили, всё драли цену на жизнянные товары» – так гневно говорила Клементина Ботно, теперь продававшая ведро воды аж за три регна. С улицы незадачливых лавочников пока что съехали лишь косторез с дочерью, но по другой причине. Та же вездесущая тетка Клементина прознала, что в довершение всех несчастий Гелни понесла от «проходимца» и скрывать этот позор уже не удавалось. Более того, соседи злословили, что раз понесла, то «насильство» – никакое не «насильство», и раз Гелни «отворилась органами», то ей понравилось, значит: отбивалась она неискренне. Дядюшка Жоль назвал это бреднями сильван, а тетка Клементина, что случилось нечасто, с ним согласилась. И оба они не сомневались, что косторез с дочерью, уехав из Элладанна, поступили верно, ведь житья им не дали бы. Маргарита же подумала, что отныне никогда не будет грешить неблагодарностью к Богу, ведь всегда есть кто-то, кому еще хуже, чем ей, и этот кто-то может быть так близко – как оказалось, рядом жила еще более несчастливая девчонка.

За исключением неожиданной бдительности городских стражников и оплаченных градоначальником учителей, ничто иное не намекало на то, что он помнит о своей невесте. Маргарита его ждала, ждала и когда совсем было расстроилась, он впервые появился в зеленом доме Ботно. Случилось это утром одиннадцатого дня Воздержания, в день его рождения. Ортлиб Совиннак суховато общался в гостинной, но его глаза ласково смотрели на девушку, сидевшую перед ним в черном платье и черном платке, с розовыми от волнения щеками и с радостью в зеленых глазищах. Едва градоначальник и Маргарита прошли в беседку, тон мужчины изменился. Во дворике по-прежнему висели простыни, отстиранные теткой, у колодца разлеглось корыто, зато лоза одела сетчатую ограду крыльца в зелень, нарядила ее виноградными гроздьями.

– Я и не знала, что у вас, господин Совиннак, день нарожденья, – сказала Маргарита. – Я бы приготовила подарок...

– Ты мне его и так сделала, – взял он девушку за руку и усадил ее рядом с собой на соседний табурет. – Твои щеки, – пояснил Ортлиб Совиннак и нежно дотронулся до одной из них, а Маргарита сильнее покраснела. – Только правильно говорить «день рождения»... – поправил

он невесту, что запылала еще ярче, уже от стыда. – Этот цвет надо назвать «маргаритовым», – тихо рассмеялся градоначальник.

– Извините... – тихо ответила она. – Госпожа Шотно учила меня говорить правильно, и я стараюсь... Я запомню про «рождение». А краснею я, потому что мой гуморальный сок – кровь. В высшей точке горячности...

– Мой гумор тоже скорее кровавой, но еще и желчный. И тоже в высшей точке горячности. Когда-то и я сильно краснел... Так давно это было... Я был рад избавиться от этого свойства, но в тебе оно мне нравится – не теряй способность краснеть подольше, очень прошу. И когда-то я тоже говорил «нарождение», вместо «рождения». Я тебя поправил вовсе не в укор. И прошу, обращай ко мне, как я к тебе, на «ты».

– Я вас... тебя, – несмело подчинилась просьбе Маргарита, – я ждала тебя раньше.

– Я не собирался появляться в первой триаде, чтобы не давать повода для грязных сплетен... Но не смог выдержать – решил, перед тем как мой дом наводнят лгуны и лицемеры, немного себя порадовать. Со второй триады я буду появляться чаще, стану ненадолго заходить по медианам и дням меркурия, после Суда, а когда ты снимешь траур, тогда уж перестанем таиться. Ты за это время... можешь и передумать, – внимательно смотрел на девушку грузный градоначальник. – Мне сегодня пятьдесят три стало – я старше тебя на тридцать девять лет – шутка ли? И я не красавец, я старый и я недобрый... и я не самый достойный из мужчин... и не такой богатый, каким могу показаться.

– Я не из-за богатств, – ответила Маргарита, прикусывая нижнюю губу. – Нестяжание – моя единственная Добродетель в кресте... но усиленная лунным затмением, а Пороки им же ослаблены: так матушке сказал священник.

– А у меня ничем не ослаблены, – усмехнулся Ортлиб Совиннак. – Когда-то я был худым, но Чревообъядение взяло верх... Служба беспокойная: то выпиваешь на ночь, то закусываешь. Когда я гневаюсь, то лучше мне на пути не попадаться. Лишь пока и удастся бороться с Гордыней... Достаточно про меня, а то я так себя нахваляю, что ты убежишь из-под венца, – широко улыбнулся он, раздвигая усы ртом. – Расскажи мне лучше что-нибудь о себе... В какой месяц ты родилась?

– В месяц Венеры, как оба моих брата. Так странно: у меня с ними обоими разница в четыре года, но с Синоли разница в девятнадцать дней, а с Филиппом в целых пятьдесят девять... Правда, мы в разных городах родились... Родились? – улыбнулась Маргарита, в ответ на улыбку своего возлюбленного. – Только я родилась где-то рядом с Идерданном – там батюшка тогда работал, а братья в Бренноданне...

– Это не из-за разных городов, – шире улыбнулся градоначальник. – В разные месяцы разное число дней, а бывает, что год от года дни в месяцах меняются. Это мало кто знает, потому что люди не обращают внимания на лунный календарь – лишь на солнечный. А в двадцать третьем году, после празднества Перерождения Воздуха, появилась на небе хвостатая звезда – и висела аж три восьмиды. В тот же год умер Альбальд Бесстрашный... Комета, как и Солнце, это огненная стихия, – так мне объяснил священник. Она и повлияла на ход Луны. Возможно, не будь той кометы, Конец Света уже наступил бы, но Господь послал ее нам во спасение, – так уже я думаю, а священники не знают – говорят, что кометы могут быть и от Бога, и от Дьявола. Ты в том двадцать третьем году как раз родилась – тогда же Луна на пару лет слегка изменила свой привычный ход. Помню, священники то и дело правили вручную сатурномеры. Особенный год, что и говорить...

Они беседовали не менее двух часов, не упоминая о свадьбе или войне. Маргарита узнала, что Ортлиб Совиннак родился в месяце Феба, как Нинно, имел склонную к искусствам плоть – благодаря этому он нашел себя в искусстве политики. Рассказал Ортлиб Совиннак и про свою юность. Оказалось, могущественный градоначальник, унаследовавший от далеких предков свое почетное имя воина, вырос в очень бедной семье рыбаков и рано потерял отца,

который не вернулся из моря. После смерти матери, Ортлиб Совиннак в начале своего возраста Послушания отправился пешком от побережья Хинейского моря до Элладанна – безумный поступок, ведь его могли счесть бродягой. Он работал за еду носильщиком на рынке у храма Благодарения. Однако его горячее желание стать достойным человеком Небеса услышали: года не прошло, как он чудом устроился младшим посыльным судьи – и это чудо звали Несса Моллак. Юный Ортлиб Совиннак увидел, как у нее на рынке воруют кошелек, и испугал «сборщика» – благодарная Несса Моллак выхлопотала ему должность у того, на кого работала. Далее судья проникся доверием к смышленому юноше и через пару лет отправил его учиться на законника. В двадцать девять лет Ортлиб Совиннак удостоился чести быть судьей, а в тридцать один с половиной год, в начале возраста Благодарения, стал новым градоначальником, вместо своего благодетеля. В подробности опалы бывшего градоначальника Ортлиб Совиннак вдаваться не стал, лишь пояснил, что Альбальд Бесстрашный имел крайне подозрительный нрав, да и порядки при герцоге-отце были суровыми. Имя «благодетеля» он тоже не назвал, потому что его стерли из Истории.

«Стирание из Истории» означало уничтожение записей о человеке и его изображений. Чаще всего эту кару получали за самоубийство, поэтому Маргарита решила, что прежний градоначальник покончил с собой. Если имя забиралось у женщины, то ее дети признавались мертвыми для мирского закона, если у главы рода, например, деда, то мертвыми становились все его потомки: суд забирал у них имущество и права свободных людей. Однако господин земель мог смилостивиться: подарить семье новое имя, часть прежних привилегий или полностью всё вернуть. Семье благодетеля Ортлиба Совиннака оставили права свободных людей, поскольку в живых были женщины с иным родовым именем, но забрали их наследство в пользу казны.

Сорок четвертого дня Воздержания, накануне Осенних Мистерий, Маргарита сняла черный траур. Вечером того же дня градоначальник прислал для нее нарядное платье и письмо с приглашением в храм Возрождения, а с утра приехал на повозке его услужник. С Маргаритой на службу отправились дядюшка Жоль, тетка Клементина и Филипп. Услужник проводил их в боковую ложу на первом ярусе, рядом с алтарным взлетом – оттуда Маргарита хорошо видела градоначальника: он и его дочь занимали скамью в первом ряду. Маргарита думала, что потом, согласно традиции, любимый будет ждать ее у храма, но этого не случилось: услужник градоначальника отвез семейство Ботно домой и ничего не передал. В календу, когда разрешалось пить крепкие напитки и есть что угодно, а пиршество затмевало праздничный обед предыдущего дня, жених так и не нанес визита в дом своей тайной невесты.

«Это из-за поста целомудрия, – успокаивала себя Маргарита. – Могут обвенчать лишь в Венераалий – лишь на эти два дня во всей восьмиде Целомудрия дозволяется плотская любовь, даже супружеская близость, но затем снова целых двадцать два дня придется поститься. Раз еще не меньше сорока шести дней до венчания, то можно понять, почему Ортлиб не спешит».

Но уже второго дня Целомудрия состоялась помолвка. Ортлиб Совиннак и Маргарита, положив руки на Святую Книгу, обменялись клятвами в присутствии Жоля и Клементины Ботно. Невеста пообещала быть верной женою, покорной во всем своему мужу, вести домашнее хозяйство и воспитывать детей в нравственности да почтении к главе семьи. Жених пообещал быть ей щедрым и справедливым господином, беречь ее честь, жить ради благополучия их семьи и не отказать в заботе ни ей, ни их детям. В конце жених и невеста расцеловали друг друга в щеки. Даров на помолвке не делали: обычно семья невесты получала их от сватов, а жених позднее, в знак согласия невесты, но можно было вовсе обойтись без подношений.

После помолвки градоначальник стал бывать у Ботно каждый день. Он приходил примерно в два часа пополудни и к трем часам, до обеда, всегда покидал зеленый дом. Любимым местом встреч Ортлиба Совиннака и Маргариты оставалась беседка на заднем дворе, откуда

заблаговременно изгонялся дед Гибих, где больше не висели простыни и не маячили шайки с корытом. Только голубоглазая Звездочка слушала из своего загончика беседы влюбленных да удивленно водила ухом, не узнавая человеческой речи: невеста старалась говорить со своим женихом на меридианском языке. Градоначальник всегда держал Маргариту за руку и единственную вольность, какую себе позволял, – это целовал ее пальцы, один за другим. Маргарита, опьяненная участвовавшими свиданиями, мечтала о большем. Приближая Конец Света, она в восьмиду Целомудрия тяжко грешила перед сном фантазиями, в каких Ортлиб Совиннак страстно ее целовал и возносил на руках на ложе. Ее склонная к Пороку Любодеяния плоть теперь даже хотела, чтобы кровать часто билась о стены. От таких несвоевременных, греховных грез, наверняка караемых в восьмиду Целомудрия строжайшей пенитенцией, приятая нега заполняла тело Маргариты. Она, не желавшая плотского единства с прежним мужем – с красавцем, наделенным совершенной фигурой и лицом ангела, ныне жаждала стать частью немолодого, очень грузного человека, которого обожала.

Слухи о том, что градоначальник Элладанна вновь женится, да на юной вдове, чью семью тут хорошо знали, сначала наводнили Безыманный проезд и после переросли в убежденность, когда в пятый день Целомудрия красная телега объявилась у зеленого дома Ботно. На глазах любопытствующих соседей Гиор Себесро заволок внутрь свой знаменитый сундук на колесах: невесте надлежало заняться гардеробом и в первую очередь своим подвенечным убранством. На время примерки суконщик остался дожидаться Маргариту внизу, а она с Беати, Ульви и портнихой поднялась в спальню на второй этаж.

Там портниха деловито закалывала алое платье на невесте, подгоняя его по фигуре. За этим «священнодействием» наблюдали сидевшие на кровати подруги Маргариты, обе округлившиеся в талии и обе восторженные. Ульви болтала без умолку, Беати снова рыдала, но теперь уже от радости, что ее любимая сестра так быстро нашла нового жениха и намеревается на этот раз венчаться по любви.

– Когда ты успелась? – вытирала слезы Беати.

– Господин Совиннак мне нравился очень и очень давно, – терпеливо объясняла Маргарита. – Ты сама знаешь, как сильно я ему благодарна, и причину этой благодарности тоже знаешь. Он стал иногда заходить в наш дом... конечно, после смерти Иама, когда бывал в Суде. Мы беседовали... и незаметно влюбились друг в друга. Сразу после Осенних Мистерий, на второй день, он решился, к нашему общему счастью, сделать мне предложение. Я его приняла – и вот... Это всё...

– А ты будешь жителем в его крашном доме? В энтот, на Блахчестье? – с придыханием спросила Ульви.

– Не сюда же он въедет, – улыбнулась Маргарита.

– Ну ты и деньжатная! – захлопала в ладоши Ульви. – А роскошва экие ты ждаваешь! А в свету еще будешь гуливать! А даж в замку, на торшствах!

– Не очень часто, Ульви, – попробовала утихомирить ее Маргарита. – Господин Совиннак ведет скромный образ жизни... И мне это по душе.

– А с семьёю он тебя уже сознакомил? – спросила Беати.

– Нет. Мы познакоимся на венчании. Семья градоначальника – это его дочь Енриити. Она еще слишком юна – на год меня младше. Господин Совиннак говорит, что избегать излишнего вернее: он просто введет меня в свою семью – и его дочь примет меня, а я ее, – так делают в первом и втором сословьях. После того как Енриити выйдет замуж и покинет отца, настоящей семьей Ортлиба буду только я. Ну и наши дети, которых, мы надеемся, у нас будет много, – засмеялась Маргарита. – Я хочу не менее пяти детей!

– А Нинно, кода прознал, что ты поддѣшь за градначальника, чуть навек не смолк! – стала смеяться с Маргаритой Ульви. – Этак дивился вестьями! И так шибко ты! Токо совдовела – и вот так вота!

– Его Преосвященство, епископ Камм-Зюрро говорит, что после положенного для траура срока, его надобно снять, возрадоваться жизни и поблагодарить Бога за милость, иначе душа может безвозвратно пасть в Порок Уныния и сгореть в Пекле, – с небольшим неудовольствием проговорила Маргарита. – Бог дает мне нового мужа и новую надежду, – это и есть милость нашего Создателя. Раз так говорит наместник Святой Земли Меридиан в Лиисеме, то так оно и есть, – он никак не может ошибаться.

– Да ты чѐ, – замахала руками Ульви. – Никто тябя не попрѣкивает! Да разве ж можно от экого супружества носу ворóтить! Никак незя! Но энто чудно! Ты – кухонная Ульви, посудамошка! А неvěста градначальнику!

Маргарита в раздражении от простоты Ульви кисло скривила губы.

– Я бы хотела, чтобы было известно как можно меньше, Ульви. В честном труде нет ничего постыдного, но... Лучше поменьше болтай и особенно молчи про бочку... Градначальник весьма важный человек... и сплетни... – подбирала она слова, прикусывая нижнюю губу, – сплетни множатся как мухи. Люди всё извратят... А мне хотелось бы стать достойной женой Ортлибу. Прежняя его супруга была из уважаемой семьи... кажется, дочерью судьи... Я не хочу, чтобы он пожалел, что обвенчался со мной...

– А, ну дааа... – нехотя согласилась Ульви. – Правдааа... я уж всем, кому могёлася, сказала. А не токо я! А Мамаша Агна тока и хвастывает, что ты простыньи из ее постоянного двору насостирывала! Всей город уж энто знает.

Маргарита в приливе стыда закрыла краснеющее лицо руками: из-за работниц бань всех красивых прачек считали продажными девками. Объясняй, не объясняй, что ты не такая, да и, вообще, не прачка, никто не поверит. Портниха в это время увлеченно разглаживала складки на подоле платья, делая вид, что ничуть не греет уши.

– Да спокойся ты, – сказала Беати. – Всей Элладанн всё уже знает: и про кухню, и про бочку, и про простыньи. И Ульви ни при чем: столько народу тама, в замке! И чего? Сплетни сплетнями, а венчаньное платье себе шьется!

Маргарита промолчала и кивнула на портниху, подкалывавшую ей подол, намекнув, что неудобный разговор пора прекратить.

Вскоре три девушки остались одни. Маргарита поправляла на себе очень простое бледно-зеленое платье, что сшила сама за время траура, обматывала голову белым платком и гляделась в новенькое стекло ручного зеркала.

– А ты взаправду любишь своего жениха? – тихо спросила Беати – Синоли думает, что ты его не любишь... Его ж никто не любит – он старый, толстый и... наипротивнящий, – поморщилась смуглянка.

– Наипротивнящий – это наш сужэн Оливи! – горячо возразила Маргарита. – Можешь думать что угодно, а я знаю Ортлиба совсем другим – лучшее... Тьфу! Лучше, чем кто-то еще! Он градначальник – и обязан быть суров, но со мной он другой. Со мной он – замечательный!

Маргарита немного помолчала и спросила:

– Так все думают или только Синоли? Думают, я за богатство замуж выхожу? И Нинно тоже? И вы?

Беати и Ульви переглянулись.

– Мы думаем, коли ты говоришь, что любишь градначальника, то так оно и есть, – осторожно сказала Беати. – Но все прочие... Всей город думает, что ты не можешь его любить. Синоли и Нинно, даже Филипп, – они как всей город. И сожалеют тебя... Все сожалеют!

В глазах Беати заблестели слезы бескрайнего сочувствия. Маргарита вздохнула, осознавая, что не сможет разубедить подруг. Для них она была зеркалом – они видели в ней отра-

жения самих себя, своих чувств, опыта и убеждений. Ульви и Беати, если бы овдовели, тоже согласились бы повенчаться с градоначальником Совиннаком: делали бы вид, что желают этого союза, но по ночам они бы ревели в подушку, жалея себя. Значит, и Маргарита, таясь ото всех, делала то же самое.

Только земля считалась в Меридее недвижимым имуществом, дома же относились к движимому, ведь их можно было разобрать, снять с фундамента или даже передвинуть вместе с ним, как, к примеру, поступили при расширении трех главных дорог Элладанна. Стоили дома сравнительно недорого: в среднем дом из дерева продавался за двадцать золотых монет, каменный или кирпичный – за сотню. Возведение остова храма обходилось гильдии в пятьдесят золотых – столько же стоило свадебное платье богатой невесты.

Деление на бедных или богатых являлось условным, среднего понятия не существовало. Титул отнюдь не обещал состояния, но сулил расходы на роскошь (иначе позор и презрение от «черни»), обязывал аристократа быть щедрым и дважды в год устраивать пир для землеробов, даже если сам жил впроголодь. А «быть бедным» не означало прозябать в нищете – городской бедняк мог иметь приличный дом, достойную обстановку и лошадь с телегой, но средств на роскошь ему уже не хватало.

Роскошью в Меридее признавались: обустроенные сады, мраморные изваяния, красочные оформления стен, мебель из заморского дерева, тканые шпалеры или ковры с двенадцати цветами, рукописные книги с миниатюрами, изделия из кристально-прозрачного стекла, плоские большие зеркала, посеребренная, позолоченная или расписная, в изысканных картинах, керамическая посуда, занятные и редкие безделицы... И, разумеется, всё, что сопровождало господ при выходе в люди: скакуны, породистые собаки, носилки, зонты, украшения и одеяния. Одежда давала понять о положении человека в обществе, поэтому закон «О роскоши» ограничивал свободу выбора тканей для верхних платьев, но не запрещал богато убирать дома.

В домах же холодной порой бывало неуютнее и промозглее, чем на улице. Тогда как летом в Лиисеме надевали одно легкое платье поверх белья, то осенью или весной – уже два-три одеяния сразу, с наступлением дождей под верхним платьем прятали вязаную тунику или войлочную безрукавку, с зимним похолоданием утеплялись стегаными кофтами, платками, пелеринами, капюшонами, накидками на овечьем меху; выходя на улицу, кутались в плащи без рукавов. Ремесленники любили кафтаны – свободные распашные одеяния, благородные господа – короткие или длинные камзолы, сшитые в талию. Иные обеспеченные мужчины зимой в качестве верхнего платья предпочитали полукафтаны – нераспашное одеяние, подбитое и отороченное мехом, иногда мантии – просторный парадный плащ, как правило, нераспашной и с прорезями для рук, а также широкие, в складках, нарамники – накидка без рукавов и боковых швов. Дамы «модничали»: даже зимой носили чулки до колен, верхние платья без овчинного подбоя и короткие шубейки. Лишь с возрастом женщины смирялись с робой – платьем-балахоном, под какое надевали кофты, другие платья и толстое белье. А последнее, к возмущению моралистов, становилось всё прозрачнее и крошечнее. Вообще, видов нательной одежды придумали немало, но вслух о них не говорили и широких названий им не давали; дамы прятали «срамные покровы» от любовников и даже от мужей. Обобщенно и женское, и мужское нижнее белье делилось на сорочки, полотна-повязки, мешковатые исподники и маленькие трусы, какие мужчины грубо звали подштанниками, а стыдливые женщины приличным словом «пояс». Шнурок завязывался у мужских трусов спереди, у женщин – на правом боку. Такие предметы как рубаха, рубашка или нижняя юбка срамными уже не считались. И так как большинству горожан хотелось отличаться от сельван, то мешковатое, грубое, «благопристойное» белье уступало место изящному, тонкому, маленькому, плотно прилегающему к телу.

Несвободным землеробам нельзя было иметь иных облачений, кроме как из толстого льна и грубой шерсти. Третьему сословию, к какому принадлежали все свободные люди без

привилегий, позволялось носить парчи и камки до длины в палец; второму сословию (наместникам короля, принца, герцога или маркиграфа) – до длины в локоть. мехом из соболя, горноста, куницы и северной белки получили право оторачивать убранство лишь аристократы из первого сословия. Вышитые, вуалевые, парчовые и тафтяные материи продавались на вес; атлас, бархат и полупрозрачный бельевой хлопок стоили от половины золотого альдриана за локоть. На цену влияли цвет ткани, ее мягкость и место производства.

Лиисем издревле славился в Мерееде как центр ткачества. Здешные условия позволяли выращивать шелковичных червей, ткачи умело делали смесовые материи, красильщики окрашивали в яркие цвета даже лен. Обобщенно меридейцы делили ткани на четыре вида: полотно, сукно, шелк, парча. Полотно – это ткань, пропускающая свет; парусина – самое плотное полотно. Сукно – плотно сбитый материал, не пропускающий света. Шелк – нежные ткани с матовым блеском и отливом (тафта, бархат и атлас – это шелка). Парча – царская ткань с ярким блеском. Роскошная цветная ткань с узорами – камка, могла относиться и к парче, и к шелкам, и к сукну.

Элладанн разбогател на производстве дешевых сукон из шерсти с льняной ниткой в основе, и хотя к концу одиннадцатого века Аттардия всех потеснила на суконном рынке, до сих пор в городе начитывалось сотни две мастерских, где шерсть чесали, ткали и валяли. Местные суконщики защитили себя законами, ведь были самой влиятельной гильдией, – никому кроме них нельзя было продавать в Элладанне ткани, любые, включая небеленый лен.

Ткачества не чурались и благородные дамы, вышивание или плетение кружев были их будничными занятиями, в замках аристократов содержались мастерские по пошиву одежд, так что Гиор Себесро не обслуживал знать. Его заказчиками были патриции, не уступавшие в богатстве иным баронам или графам, но вынужденные носить наряды, разрешенные для третьего сословия. Маргарита, благодаря супружеству с градоначальником, наместником герцога Лиисемского, переходила во второе сословие и могла иметь платья, намного лучшие, чем у супруги банкира. Радовало девушку и то, что никто из соседей теперь не подумал бы порицать ее за роскошное убранство: она была обязана заявлять о своем высоком положении. В остальных случаях лавочники брезгливо морщили лица, когда видели разряженную даму из своего сословия, даже благонравную супругу как-нибудь богача. Для них она была виновна в грехе сладострастия и подозреваема в разврате, тем более если была красива. Они уверенно изрекали: «Раз плечья в шелку, то меж ног всё в кошачьем меху». Щеголей, конечно, развратниками не считали: мужчина, зарабатывающий деньги, имел право тратить их на себя, тогда как жена выманивала у него средства тем самым «кошачьим местом» и губила похотью душу супруга.

Проводив подруг и портниху, пожелавшую прогуляться по рынку, Маргарита со счастливой улыбкой на губах зашла в обеденную, где ее ждал Гиор Себесро: на ореховом столе уже лежали образцы материй и знаменитые картонки, похожие на игральные карты.

– Венчальное убранство весьма мне угодило, – сказала Маргарита, присаживаясь за стол.

– Вам, суженна, еще нужен плащ. Мне кажется, было бы неплохо дополнить алое платье плащом нежно-белого цвета со шлейфом и оторочкой из золотой парчи, – предложил Гиор, располагаясь напротив нее. – Лилейным цветом незаслуженно пренебрегают, поскольку отбелка сукна недорого по сравнению с окраской. Но белый – это цвет чистоты, невинности, рождения и начала. Он украшает всех дам без исключения... Впрочем, вам решать. Я родился в восьмиде Смирения, поэтому, должно быть, люблю белые оттенки. Однако замечу, что лилейный подойдет как никакой другой к жемчужной вышивке. И под плащ вам будет нужна вуаль, чтобы спрятать себя от глаз черни... Думаю, вуаль должна быть длиннее, чем платье, но короче, чем шлейф плаща. Выходя на улицу, вы будете держать шлейф на руке, вуаль же можно сделать многослойной... Что скажете о лилейном плаще и белой вуали?

Маргарита пожала плечами.

– Я не возражаю...

– Я привезу всё необходимое в следующий раз, – подвинул Гиор к девушке картонки. – Для вас заказано еще двенадцать платьев. Прошу вас сделать выбор.

Маргарита стала рассматривать картинки с маленькими девушками в самых разных одеяниях. У одних глубоко открывалась спина, у других рукава спускались до пола или завязывались в полубанты. Были там и очень смелые вырезы, и длиннющие шлейфы, и разные линии талии – от самой высокой, под грудью, до той, где юбка расширялась низко на бедрах и наряд обтягивал всё туловище. Колпаки на карточках поразили девушку не меньше: двурогие, трехрогие, шпильеобразные; или же эскоффионы – под этим словом подразумевали любые не остроконечные «выходные» головные уборы, как правило, разных высот и ширин кубышки, богато дополненные изогнутыми валиками, сеткой из парчовых нитей, вуалями. Маргарита вспомнила строгие суждения своего жениха о модных нарядах и растерялась: она не понимала, что выбирать, и боялась ошибиться. И испугалась того, что ее ждет.

– Я не знаю, – расстроено сказала она. – Я не разбираюсь. Пусть господин Совиннак выберет сам.

– Градоначальник – занятой человек. Мона Махнгафасс, вам придется самой заботиться о личном убранстве, а потом об одеждах наследников, как поступают прочие дамы.

Маргарита постаралась вспомнить, что именно говорил Ортлиб Совиннак в доме Шотно, но только сильнее запуталась.

– Помогите мне, господин Себесро, – попросила она. – Мне нужно что-то не слишком... вольное. Не думаю, что открытая спина или такие вырезы подойдут... Или банты... И такие колпаки... Я не знаю... Я не думаю, что это всё мне подойдет.

– Я вас понял, – ответил Гиор, взял в руки палочку со свинцовым стержнем и положил перед собой лист бумаги. – Выбирайте картинки, что вам приглянулись, а потом уберем из платьев всё, что вас смущает, закроем спину, грудь и плечи. Будем работать, пока вы не останетесь довольны. В следующий раз я привезу головные уборы: посмотрите, что вам подойдет. Платок – это слишком просто для супруги градоначальника.

– Спасибо, – тепло сказала Маргарита, несмотря на то, что ее корбило обсуждать с Гиором и наряды, и свое тело, и, вообще, женскую плоть. Почти наугад она выбрала двенадцать платьев. Затем так же несмело подобрала ткани.

– Хорошо, – подытожил Гиор. – В следующий день венеры, в это же время, я привезу часть того, что мы успеем сшить. Благодарю, мона Махнгафасс.

Он стал убирать отрезы тканей в свой невероятный сундук, раскрытый в маленькой гостиной и занявший всё ее свободное пространство. Маргарита осталась сидеть за столом.

«Я всегда считала, что заказывать наряды – самое чудесное занятие из всех... – думала она, наблюдая за Гиором. – Даже не мечтала о таком подарке – дюжине платьев из лучших материй! Теперь, вместо радости, я чувствую себя сильванкой, стыжусь сделать выбор и опозорить Ортлиба, явив всему Элладанну дурной вкус. И это только начало... Что меня ждет в том большом красном доме, где я ни разу не была и, похоже, не буду до свадьбы? Кем была та хорошо одетая, светловолосая особа, причесанная как незамужняя девушка, которая смеялась надо мной из окна ратуши? Оказалось, что не дочь... А если прислужницы в доме градоначальника будут такими же наглыми, как Марили из Доли? Как мне таким указывать? А важные знакомые градоначальника, патриции? Светские торжества? Празднества в замке герцога Лиисемского? Боже, сам герцог Альдриан будет смотреть на меня и, возможно, смеяться! Стоит мне только заговорить – все будет смеяться!»

– Еще раз изъявляю вам поздравления, мона Махнгафасс, – отвлек девушку Гиор Себесро.

Маргарита поднялась со стула и прошла в гостиную.

– Вы, господин Себесро, должно быть, думаете, что... – тихо говорила она, терзая свои красивые пальчики, побелевшие и преобразившиеся за две восьмиды без черного труда. – Когда вы делали мне предложение... что я вам отказала потому, что уже тогда думала стать супругой господину Совиннаку, не правда ли?

– Нет, мона Махнгафасс, ни о чем таком я не думаю, – равнодушно ответил Гиор; его лошадиное, грубое лицо оставалось бесстрастным. – Я крайне рад приобрести заказчицу, которой нужен полный гардероб: от верхних платьев до мелочей, – я думаю лишь об этом.

– Нет, вы думаете... Подруги мне признались, что считают все вокруг: что я выхожу за богатство и положение господина Совиннака.

Гиор Себесро замер на пару мгновений, что-то собираясь сказать, но затем взял за ручку сундук и приподнял его.

– Доброго дня, мона Махнгафасс, – попрощался он, выкатывая сундук из гостиной. – Увидимся вновь в день венеры, в это же время.

Маргарита вернулась в свою спальню, села за письменный стол – узкий, с наклонной столешницей, накрытый таким же голубым сукном, как покрывало кровати. В ожидании жениха девушка решила не бездельничать – она взяла с полки учебник меридианского языка и, раскрыв его, начала читать:

«Добы общность шла к процветанию, раздели ее на четыре». Так, во благо всей общины, первые – священствуют, вторые – воюют, третьи – трудятся, четвертые – в устрашение прочим, изгнания достойны. А путей благих в жизни всего три: духовный, воинский или мирской.

Высший духовный путь ведет человека в семью призванных служить Богу людей, в Экклесию. Не имеет значения при этом ни место рождения человека, ни его наружность. Духовный путь дает власть и достаток: без желания духовенство нужды не знает, и даже священник четвертого сана стоит выше, чем король любого из королевств. Но со слугителя Бога спрос строже в четыре раза, чем с мирянина, и в восемь раз, чем с воина. Нельзя священнику не блюсти целомудрия и отступать даже на шаг от устава Экклесии. Пenance он имеет строжайшие за малейшие провинности. Прелаты, хоть иной семьи, кроме Экклесии, не имеют, имя себе возвращают и мирскую семью славят высокою своею должностью.

Первый сан, прелатский, – это восемь кардиналов или восемь сердец Экклесии. Совет кардиналов духовный суд вершит, и глава его – первый кардинал. Возраста он старческого, чтобы страсти все утихли, да воистину благочестив: его напитанная верой душа, что дуб вековой, не одряхла и не ослабла, разумение его крепкое и мудрое. Каждые четыре с половиною года первый кардинал отходит на покой и выбирает восьмого кардинала. Может кардинал происходить из епископа, а может и из любого другого достойного священника, даже из брата. Назначается священник на первый сан с началом возраста Возрождения и до окончания своего второго возраста Благодарения, с тридцати шести и до сорока с половиною лет. Если кардинала преждевременно смерть постигнет, то совет кардиналов решает, как ему быть.

Второй сан, прелатский, епископы или надзирающие, – это глаза, уши, руки и ноги Экклесии, а всего епископов шестнадцать. Они наместники Святой Земли Меридиан по миру, наместники кардиналов. Назначают настоятелей храмов и монастырей, приходы обследуют, коронуют – власть земную передают. Духовным судом не судят, но подают на отлучение от веры в Святую Землю Меридиан. Назначает же их совет кардиналов из тех отцов, что высокое доверие заслужили да приход в процветании оставили.

Третий сан – отцы, настоятели монастырей или храмов, – это головы и уста Экклесии. Они за свой приход отвечают и судить мирян за провинности могут, но не отлучать от веры – сперва доносят о злодеяниях епископу, а уж тот кардиналам. Заботятся отцы о

довольстве братьев: и ежели те не получают хлеба, мяса или рыбы на вес осьминой меры, а также по четыре яйца в день, то такой приход может быть распуцен или же сам отец пострадает.

Четвертый сан – это тело Экклесии, – это братья или никто, ведь все мы братья и сестры, все мы приобщаемся через веру к телу Экклесии. Братья делают всё, что велит им отец их храма, даже подаяния просят. Но над мирянами и воинами сила власти у брата такая, что он может назначить покаяние даже королю и повелеть тому встать на колени перед храмом.

Все священники имеют четыре повинности: проведение ритуалов, проповедничество, труд плоти и труд разума. Кто-то лечит при монастырях, кто-то обучает послушников, кто-то выращивает травы, священный мак или плоды. Свободное время они на науку тратят, мыслят над природою всех вещей и свою лепту в знание внести стремятся. Духовенство не распределяет блага мирян и воинов, не берет на хранение золото и ценности, не вмешивается в мирскую власть и в войны не за веру, но заверяет мирные грамоты да строго спрашивает с нарушителей договора, – за что и положена Экклесии десятина.

Воины получают больше всех послаблений, покаяния имеют самые слабые, могут, ежели ныне ратуют, не соблюдать предписаний времени и в храм не ходить. Плоть, поскольку силу держат, постной пищей умерщвлять не обязаны и в числе трапез не ограничены. Приобщение дарами стихий имеют без жертвенной платы, если есть на то добрая воля священника.

Первый воинский ранг – вожди. Короли занимают высшую ступень в ранге: господина над господами. Всегда король – это рыцарь, то есть воин Бога. В первый ранг вождей также входят принцы, герцоги и маркграфы, но только если они рыцари. Вожди могут свое войско иметь и возглавлять его под своим знаменем. Все остальные, если и имеют войско, то назначать людей воинами не могут – должны это делать с милости своего господина и подчиняться своему господину. Десятина от всего добытого в войнах жертвуется Святой Земле Меридиан, половина прочего делится между всеми воинами, четверть отходит вождю войска, а еще четверть – королю, если сам вождь войска не король, не первый господин.

Второй воинский ранг – это герои. Им может стать любой рыцарь, даже не из благородного рода, но с ходатайства своего господина. К герою в Меридее особый почет – везде он желанный гость и нужды знать не должен, иначе позор его господину. Рыцарское достоинство с героя может лишь Экклесия снять, да лишь по ее велению разрешается отбить шпоры такому рыцарю. Герой получает право возглавлять войско, но под знаменем своего господина. От добытого в войне, если сам не первого ранга, получает как вождь осьмину. Судить героя лишь сам король может, а смертный приговор заменяется герою на служение Святой Земле Меридиан, на участие в Священной войне, куда Экклесия не позволит ее покинуть.

Третий ранг – это рыцари, воины Бога, благородные или неблагородные. Рыцарь имеет право убить без греха любого, но не священника. За кощунство или вероломство может «Суд семи рыцарей» лишить недостойного мужа рыцарского звания, только не героя. Главный на воинском суде – это первый рыцарь. Он вправе даже принца наказать по всей строгости устава. Король же, восьмой судья, может миловать, забирая себе вину недостойного. После смерти короля, кронпринц назначает чтимого рыцаря первым воином – так, до коронации, первый рыцарь, а не кронпринц, на короткий срок становится главой всех воинов королевства и помогает Экклесии власть передать законному наследнику.

Четвертый ранг – все остальные, кого на службу воинскую взяли и чести такой удостоили. Служить они должны, пока их господин им уйти не позволит. На время службы их семьи подати не платят, а после службы опять же послабления да вольности имеют, но в каждом поколении должен служить хотя бы один муж, иначе столь щедрых милостей семьи лишаются.

Миряне – все те, кто в миру обретаются. Для закона они делятся на свободных людей и несвободных; свободные – на вольных, надельных, служивых и торговых людей.

Первое сословие – аристократы, и все они не только землевладельцы, но еще единственные землеробовладельцы; могут любые сборы на своих землях устанавливать, владеть соляными, рудными, каменными приисками, даже серебряными и золотыми, то бишь монету печатать. Наследуют они от предков благородство облика, отличаются правдивостью и ясностью разума, ведь с юных лет растут в культуре, вере и строгой морали, – вот и служат другим мирянам примером нравственности, справедливости и, главное, щедрости. Должен господин судить своих землеробов и семьи из них делать, защитой им быть и опорой в бедствиях, не то – случилось и такое в Истории – разбегутся от жадного владельца землеробы, а имущество пожгут его прочее.

Второе сословие – незнатные наместники короля, принца, герцога или маркграфа – это судьи, градоначальники, управители, ректоры и прочие в высокой должности. За живость разума и чистоплотность помыслов доверено наместникам представлять в миру воина первого ранга. Каждому власть так отмерена, что не перечит силе остальных наместников. Все из второго сословия равны, все они господа, и нет среди них того, кто выше или ниже другого, то бишь приказывать они друг другу не могут. Воины четвертого ранга в подчинении наместников возможны, но не более.

Третье сословие – все иные свободные люди. Всех их одно объединяет: и златокузнец, и сукновал, – все они равные права в мирском суде имеют, раз подати платят. А коль человек лишь ремесло вольное знает и скитается, то тоже, дабы не быть бродягой, должен выбрать место для уплаты податей. Через год полное право судиться получит, иначе только судимым быть может. Ученики воинов и послушники сюда же относятся – без ранга или сана судят их как мирян, да и сами они в мирской суд подать могут.

Четвертое сословие – несвободные землеробы, неимущие родового имени и прав владения. Они подати платят работою, снедью или же всем, чем пожелает их господин, на чьей земле они родились и чью землю они самовольно покинуть бесправны. В суд они обратиться не могут, только к господину своему или его наместнику, но те не по закону их судят, а как посчитают полезным и верным. Добрая участь – родиться землеробом щедрого господина, незавидный удел – обраться под жестоким хозяином, да вот есть и хуже доля людская – уродиться презренным бродягой или же стать им. Бродяги не имеют вовсе прав, бродят вне сословий и закона, а кто-то и единения с Богом не имеет, и к вере должным образом не приобщен.

Вот и всё, что надо знать о трех благих путях. Выбор зависит как от рода человека, так и от его устремлений, но не стать ни землеробу, ни его сыну рыцарем, как бы ни служил человек усердно. Однако имеется путь особый: ежели жаждет воин звания рыцаря, то надлежит ему служить напрямую Экклесии – воином-монахом, воином веры, целомудренным и благочестивым быть. Но даже воином-монахом тому не бывать, кто пришел в семинарию и давал обеты, да затем, поправ клятву, изменил высшему из путей».

Маргарита закрыла учебник меридианского языка и взяла «Географию». Она открыла карту мира – гравюру на плотной бумаге. На севере за Линией Льда лежала снежная шапка, на юге еще большая – огромный континент выжженной земли, – Сольтель. Говорили, что за Линией Льда было невозможно дышать от стужи, а у тех, кто подходил в Сольтеле к Линии Огня, вспыхивали волосы и одежда. Меридейцы пока завоевали два маленьких выступа Сольтеля на побережье – Сандёл-Ангелию и Нибсэнию. Сандел-Ангелия тянулась острым клыком к Санделии – именно оттуда совершали когда-то безбожники нападения на Меридею, но потом всё изменилось: нынче меридейцы воевали в том жарком континенте.

Земли, что называли меридианским миром (куда распространилась вера и где жили меридианцы), напоминали Маргарите развалистый цветок с пятью лепестками. Огромный

западный лепесток – это сверхдержава Санделия, занявшая половину континента Меридея, восточный лепесток – большой полуостров Леония, и маленький северный отросток – полуостров Тидия, вотчина Лодэтского Дьявола. Зато с севера Тидию будто продолжал великий остров Орzenia – их разделял лишь узкий пролив Перá. А середина «цветка» – это была Оренза. С севера к Меридае приближались еще два «лепестка»: остров Аттардия, похожий на свинорылого кита-убийцу, да второй великий остров Лодэнии, Морамна. На востоке мира находились два континента: Северная Варвария и Южная Варвария. Гигантская Большая Чаша и меньшая Малая Чаша, два океана, разъединяли Варварии и меридианский мир. На западе разлилась Бескрайняя Вода с несколькими островами, последним из которых был остров Литó.

Маргарита обвела обратной стороной палочки для письма родную Орензу: получалась замечательная фигура с двумя зубцами: горный кантон Сиренгидия остро выступал на северо-востоке, поднимаясь к мысу Встречи Двух Морей, а Лиисем на юго-западе «стекал» вдоль Лувéанских гор к княжеству Барó. Девушка вздохнула, думая о том, что Сиренгидию – «Край тысячи ручьев», родину ее матери и единственное место в Меридае, где не было аристократов или несвободных людей, после тридцати шести лет пребывания под защитой Орензы снова захватило Ладикэ. Заполучило благодаря святотатству Лодэтского Дьявола, который едва не устроил бойню в Великое Возрождение, поглумился над всеми верующими и дерзнул не убояться Конца Света в Главный Судный День или проклятия за это от самого Бога.

«Разве это справедливо, Боже?! – возмущалась Маргарита. – Почему же ты не сжег этого варвара молнией, а позволил ему подчинить нашим врагам Сиренгидию? Ладикэ столь ничтожное королевство! Вдвое меньшее, чем Лиисем: у ладикэйцев не хватило бы сил, даже чтобы завоевать Бренноданны. Всё это чудовище из Лодэнии и его адское оружие! Теперь Ладикэ вместе с Сиренгидией такое же, как Лиисем... Несправедливо! Жители кантона даже говорят на разных языках с Ладикэ! Сиренгцы говорят на орензском наречии, ладикэйцы – на смеси лодэтского и бронтаянского – на, должно быть, самом отвратительнейшем из говоров... Что останется от Орензы, если и Лиисем отпадет, как обещал в своей речи герцог Альдриан? Кругловатая, как раздутый живот, фигура с небольшими отростками и впадинами? Мы же один народ с одним языком...»

Ее Языкознание распространялось не дальше орензского и меридианского, но она слышала суждения о шести основных языках Меридаи. Самым красивым признавался меридианский. Орензский и санделианский оспаривали второе место. Самым логичным и простым был аттардийский язык; он напоминал рычание хищного зверя из-за любви аттардиев сдвигать не только букву «Т», но и букву «Р». Твердый язык лодэтчан из-за «цоканья» и «ёканья» навевал мысли о звоне схлестнувшихся мечей, а долгая «м» у бронтаянцев казалась гулом падающих камней на металл. Благозвучными языками лодэтский, аттардийский и бронтаянский в Орензе не считались.

– Вот потому что у лодэтчан и ладикэйцев такие языки, они лишь воевать и убивать умеют, как варвары, грабить всё и разрушать, – уверенно произнесла Маргарита. – В Бронтае хоть много всего полезного из металлов делают, например, врезные замки. А аттардии рычат, как звери, ведь они наглые. Так все в Орензе говорят: «Наглее аттардиев одни черти!» Бальтин...

Девушка перевела взгляд на остров в Бескрайней Воде, вытянутый по вертикали у Линии Льда.

– От западных берегов Аттардии до Бальтина целых две Орензы поместятся, – говорила вслух девушка. – Наверно, восьмиду надо плыть, хотя я плохо в этом понимаю. А Бальтин, оказывается, большой – как шестая или даже пятая часть Орензы. Сколько же людей убил Лодэтский Дьявол за семь лет? Тысячи мужчин? Сотни тысяч? И им совсем некуда было бежать: в Меридаю нельзя, а поплыви они на запад, так приплывут по Бескрайней Воде к другой стороне Варварий – и их убьют чудовища или люди со звериными головами, какие там живут.

В Сольтеле убьют кровожадные безбожники... Экклесия не объявляла Священную войну на Бальтине – это аттардии просто-напросто решили прихватить себе еще один остров, а Лодэтский Дьявол и их ужаснул своей жестокостью, как рассказывал Оливи. Ортлиб так же считает... Лодэтчане те же варвары, правда, не все варвары кровожадные. Южные варвары, хоть и язычники, но с ними торгуют, привозят от них приправы, шелка, редкие масла и благовонные смолы. Они строят такие же пирамиды, как шатры храмов, но на земле и без шпилей, и верят, что умершая плоть может возродиться, поэтому хранят усопших в подземельях. Сколько же призраков бродит в тех землях, страшно представить! Будет справедливым, если Священную войну объявят и там тоже. Разве можно спокойно жить и знать, что возродишься ты в тех краях, тебя обрекут на страшную участь вечного скитания по земле без плоти – станешь так голоден, что не описать, а утолить голод и жажду не сможешь, – будешь столь несчастным, что возненавидишь всех живых людей и захочешь им мстить. Наверно, южные варвары сами себя наказали – житья им нет от призраков. Или призраки у них лишь по подземельям бродят?.. Кроме этого ужасающего обращения с усопшими, южные варвары неплохие: они никогда на нас не нападали – ни один их корабль не пересекал вод Большой Чаши. Правда, у них вообще нет кораблей – только маленькие лодочки. Я вот бы уплыла оттуда, где водятся столь жуткие твари – крокодилы: сомы с зубастой пастью и людскими ногами – они и плавают, и по земле быстро бегают, а как настигнут человека и пожрут его, то плачут над его головой, – какие же бессовестные лицемеры! Еще южные варвары поклоняются навозному жуку, катающему шар, потому что откуда-то знают, что Гео круглая. Они представляют нашего Создателя большим жуком, а наш мир шариком из навоза. Ортлиб говорит, что они несильно ошибаются про навозный шарик... Зато древние меридейцы до рождения Божьего Сына думали, что наш мир плоский. Они не знали, что мы живем на шаре и, благодаря чудесам нашего Создателя, как-то не скатываемся с него. И раз мир – это шар, то Бескрайняя Вода вовсе не бескрайняя, но ведет к землям Варварий по другую сторону от Меридеи, а там живут не только страшные люди с песьими головами, циноцефалы, но и похожие на медведей великаны с человеческими лицами, вылупляющиеся из яиц, – все они людоеды. В тех землях водятся мантикоры, драконы, виверны, кентавры, онокентавры, химеры, ехидны, гарпии и грифоны, – и кого еще только там нет, даже улитки там огромные и плюются ядом, а цветы могут слопать лошадь. А может, поплыви бальтинцы в ту сторону, то они нашли бы чудесный остров Зайтаю? Вот там нет никого страшного, там горы из сладкого белого хлеба и марципана, с деревьев свисают то леденцы, то цукаты, то конфеты. Кирпичи там – из сахара. И дороги, и дома, – всё из сахара, а мяса, любого, сколько хочешь: жареные гуси растут в земле из шафрана, а копченые окорока – в песке из черного перца. Зайтайцы – они как мы, люди, но с заячьей головой, – у них всё-всё как у нас, только у них шляпы с прорезями для ушей. Зайтайцы более всего на свете любят капусту – ее там растет мало, не то что колбас – там целые кусты из колбас! В Зайтае все дни длится Сатурналий: там все счастливы, все поют и танцуют днями напролет, не зная нужды, и там все равны в положении, как в Элизии, – нет ни бедных, ни богатых. Там все носят красивые одежды и рубиновые ожерелья, кушают с золотых подносов и спят на лебяжьем пуху... Правда, где же точно эта чудесная Зайтая, мы не знаем – вот и на карте ее нет. Ни один корабль, какой в наши времена отправился к другому побережью Варварий, не вернулся назад, поскольку и в Бескрайней Воде так много чудовищ, что не сосчитать... И ни одно из них почему-то не напало на корабль Лодэтского Дьявола, когда он плыл до Бальтина и обратно, – нахмурившись, пробурчала девушка.

Маргарита немного помолчала над картой, вернулась глазами к Орензе и стала повторять то, что выучила:

– Королевство Оренза с запада граничит со сверхдержавой Санделия по линии Лувеанских гор. И правда – сверхдержава! Такие огромные земли занимает всего одно королевство! А второе огромное королевство – это Бронтая. С востока Орензу отделяют от Бронтаи самые высокие из гор Меридеи – Веммельские горы. Они начинаются в кантоне Сиренгидия, оги-

бают на востоке Орензу, затем продолжают вдоль южного побережья полуострова Леония – там когда-то водились львы, как в Варвариях, но они все помёрзли в Скорбном веке... Горы разграничивают Бронтаю и маленькие страны южного побережья этого полуострова. Из них ближе всего к Орензе королевство Лодвар, затем королевство Антола, следом идут Нибордажд, спорные земли – Верхняя и Нижняя Пбдени, Лаарснорсдажд, а высоко в горах – королевство Дертая. Последнее из держав Южной Леонии – королевство Ламнора.

«Интересно, чего не поделили люди в Южной Леонии? – задумалась девушка. – Все они говорят на орензском наречии, все когда-то были одним королевством Антола, а теперь там бесконечные войны...»

Подумав немного, она продолжила вспоминать то, что учила об Орензе:

– Самое крупное герцогство Орензы – Лиисем. На севере Лиисем граничит с герцогством Мартинза, а на юге с княжеством Баро и королевством Толидо. В центре княжества Баро – Святая Земля Меридиан, центр нашего мира. Принцы Баро – ровня королям, их единственных из всех принцев в Меридее, Экклесия коронуется... Интересно, почему так?.. Самая крупная река Орензы – Лани, исток которой в Веммельских горах. Впадает Лани в Фойское море, что на севере Орензы. Самый крупный город Орензы и его столица – это Бренноданн. Еще Бренноданн второй по числу жителей город Меридеи: он уступает лишь столице Санделии, Моаотессу. Второй крупный город Орензы – наш Элладанн. Он находится вдали от опасного из-за сольгельских безбожников южного побережья Хинейского моря, лежит на севере герцогства Лиисем, но на юге всей Орензы. Третий крупный город Орензы – у Лувеанских гор, недалеко от северного побережья и Фойского моря, – город Идерданн, знаменитый монастырем с чудотворной статуей мученицы Майрты. В предместье Идерданна я как раз родилась... А окончание «данн» в названии города – это «дан на волю того-то», то есть все крупные города Орензы, названные в честь мучеников веры, отданы под их покровительство. Четвертый крупный город – порт в устье Лани – Реонданн, пятый – город на дороге от Лани до Элладанна, – Нонанданн. Столица Мартинзы – Мартинданн...

Маргарита невесело смотрела на карту: всё, что она выучила, возможно, стало Историей, а не Географией.

«И это из-за Лодэтского Дьявола, кого никто сюда не звал и у кого нет ни единой достойной причины помогать ладикэйцам!»

Она перевела взгляд на северо-восток карты, на Лодэнию, и подумала, что два его огромных острова, Орзения и Морамна, и полуостров Тидия с тонким перешейком напоминают спины больших рыб.

«Аттардия – похожий на кита-убийцу остров, столь нагло открыла пасть своей свиной головы на Сиренгидию... зато это королевство хотя бы не притворяется безобидным. А Лодэния... Три рыбы едва показывают спины, спрятали под водой зубастые головы, будто вот-вот поднимут их – да перекусят Меридею на две части. А они уже это сделали! Лодэтский Дьявол пришел в Орензу, в самое узкое место континента. Боже, спаси нас всех и Нонанданн!»

Маргарита перекрестилась, убрала учебник в стол и прилегла на кровать. Подбрав колени к груди и свернувшись, словно дитя, она думала над тем, что вчера рассказал дядя, – вести из Нонанданна, по его словам, опять обнадеживали: войско Лиисема успешно отбивало атаки, уничтожало врагов и защищало дорогу на Элладанн. Продавцы на рынке уверили Жоля Ботно, что самое позднее через восьмиду, к зиме, барон Тертивонт погонит прочь и ладикэйцев, и Лодэтского Дьявола, а Альдриан Лиисемский заставят всех своих врагов расплатиться их же землями. Маргарита не знала, что думать: не верить в добрые известия причин не было, но нехорошее предчувствие не давало ей покоя. Ортлиб Совиннак не рассказывал невесте о положении дел в Нонанданне, только убеждал ее ни о чем не волноваться.

Тревожные мысли Маргариты прервал вбежавший без стука русоволосый, румяный Филипп.

– Жена-их прикатил! – смеясь, сказал он. – Ты – после жена, а он – шас жена! Их жена – жена-их!

– Тоже однажды жена-ихом будешь! Чего смешного, дурачок? – спросила Маргарита, садясь на кровати. – Над ним смеешься или надо мной?

Она взяла с прикроватного стула зеркальце и осмотрела себя, решая: снять ли платок, как всегда делала для возлюбленного, или нет.

– Над вами обоями, – ответил Филипп. – Я-то разумею меридианский, – хитро прищурился подросток. – Знаю, за чё вы в беседке шепшаетесь!

– Так ты подслушиваешь?! – замахнулась на него рукой Маргарита, но Филипп увернулся и убежал, прыскавая смехом.

– Не за чё, а о чем! – прокричала Маргарита ему вслед. – Твой орензский – ужасен, а меридианский – тем более!

Ортлиб Совиннак ждал в гостиной. Маргарита всегда вбегала туда, радуясь его приходу. Сегодня девушка зашла медленно, пряча глаза.

– Что случилось? – нахмурил брови градоначальник, скользнув взглядом по платку на ее голове.

– Ничего, – кусая нижнюю губу, ответила его невеста. – Но мне есть что сказать.

Они прошли в беседку, и там, во дворике, Маргарита сначала проверила, не прячется ли где-нибудь Филипп: заглянула за поленницу и даже слезла на сеновал, а минувя голубоглазую Звездочку, не удержалась и погладила ее пятнистую морду.

– Младший брат нас подслушивает, – пояснила она свои действия.

– Это случилось? – хмурился Ортлиб Совиннак.

– Нет, не это...

Вернувшись в беседку, Маргарита присела на один из двух табуретов; Ортлиб Совиннак, опустившись рядом, повернулся к ней и, как всегда делал, взял ее за руку. Его глаза-щелки пытались прочесть мысли девушки. Понимая, что пока он рядом, она не сможет ничего сказать, Маргарита высвободила руку, встала и отошла к порогу беседки. Отвернувшись от своего жениха и ковыряя ногтем столб у прохода во двор, она произнесла:

– Я не могу стать вам супругой, господин Совиннак. Я это сегодня поняла...

Ортлиб Совиннак немного помолчал, затем он вывернул левую руку и уперся ею в колено широко расставленных ног.

– Могу ли я, мона Махнгафасс, узнать причину? – холодно спросил он, сильнее сужая глаза. – За свои старания я заслуживаю честный ответ.

Он сделал долгую паузу и, так как Маргарита молчала, продолжил:

– Не бойтесь, мона Махнгафасс, я не причиню вам зла. Кого бы вы ни выбрали, я буду уважать ваше решение и не стану вредить вам, вашей семье или тому мужчине.

Если бы Маргарита повернулась и увидела выражение лица градоначальника, то поняла бы, что его слова расходятся с намерениями.

– Вы полюбили другого?! – жестко спросил градоначальник.

– Нет! – не оборачиваясь, с жаром ответила Маргарита. – Я вас люблю... – прошептала она, закрывая пылающее лицо руками.

Градоначальник мгновенно расслабился. Он тяжело поднялся, подошел к девушке и мягко опустил руку на ее плечо.

– Что такое, любимая? – нежно спросил он, поворачивая невесту к себе.

Маргарита, раздвинув пальцы, увидела, что его темные глаза немного посветлели, стали ласковыми.

– Я не буду вам хорошей супругой, – ответила Маргарита, не отнимая рук от лица. – Я недостойна вас и вашего имени. Подруги сказали мне, что люди говорят... И что все знают...

как я простыни стирала, как в кухне работала... О бочке знают! Я платья выбрать не могу, потому что не разбираюсь... Не знаю, как надо себя вести и как говорить. Мой орензский – ужасен, меридианский – тем более! Из-за такой супруги, как я, над вами будет смеяться весь Элладанн!

– Это всё? – еще нежнее спросил Ортлиб Совиннак.

– Ну да... Я так боюсь тебя опозорить!

Он взял ее за запястья и заставил опустить руки.

– Меня давно не заботит то, что говорят и что думают в Элладанне, – теплым голосом сказал он. – Люди будут болтать, будь ты кем угодно, – навывдумывают того, чего и в помине нет. И если мне нет дела до пересудов, то и тебе не должно быть.

– Но...

– Тихо, – прошептал он и впервые ее поцеловал.

Уверенно прикасаясь своим губами к ее губам, он целовал девушку всё глубже. Его усы щекотали Маргариту под носом, но словно гладили кожу вокруг ее рта. По мере того как длился поцелуй, она слабее стояла на ногах – даже обхватила мужчину за плечи, чтобы не упасть, а Ортлиб Совиннак будто бы и топил ее в своих могучих объятиях, и будто бы держал на поверхности, не давая исчезнуть в бездне.

– Нос чешется? – чуть отстраняясь, негромко спросил он.

– Немного, – прошептала Маргарита, открывая переполненные счастьем зеленые глазницы.

– Ты быстро привыкнешь, – чмокнул он ее в кончик носа, затем крепко прижал к себе, вдавил в свою уютную, мягкую грудь, точно такую же, как у дядюшки Жоля. Маргарита, полулежа на его круглом животе, закинула голову вверх и улыбнулась.

– Не будем ждать до конца восьмиды, – сказал Ортлиб Совиннак, глядя на свое отражение в зеленых зеркалах. – Венчание случится в первый день Венераалия. Я смогу получить у епископа Камм-Зюрро разрешение на супружескую близость в пост целомудрия: за заслуги Эккелия дает послабления... Еще семнадцать дней ждать, – улыбнулся он в ответ на ее улыбку. – Должно быть, моя русалка, я ждал тебя пятьдесят три года и не хочу ждать дольше...

Так венчание перенеслось на двадцать пять дней, и должно было произойти уже двадцать третьего дня Целомудрия, а не второго дня Любви. Свадебное платье спешно украшали вышивальщицы, родня невесты тоже засуетилась с нарядами. От Маргариты лишь требовалось появиться на венчании в храме Пресвятой Меридианской Праматери – градоначальник женился во второй раз и хотел справить свадьбу в кругу семьи, но тем не менее желал иметь роскошную церемонию, как заслуживало его положение, поэтому выбрал уединенный и самый значимый храм города.

С приближением Венераалия Маргарита нервничала всё больше и больше. Утром дня юпитера она так сильно захотела поговорить с братом Амадеем, что не удержалась – отправилась в храм Благодарения. Праведник работал в саду и будто бы вовсе не удивился явлению девушки, пропавшей более чем на четыре триады.

– Проходи, сестра, рад видеть, – поприветствовал ее брат Амадей.

Маргарита едва не заплакала от радости, увидав его таким, каким привыкла вспоминать: босые ноги, капюшон на голове, выбритые щеки и полуулыбка на губах. Вот только розы в саду больше не цвели – близились мокрая лиисемская зима.

– Здравствуйте, брат Амадей. Вы не удивлены?

– Нет, ты же должна высадить розы... – направился он к келье, отведенной под хранилище, и позвал с собой Маргариту. – Я ждал тебя.

Он показал ей ящики с землей, из каких торчали слабые, короткие стебли с парой тонких веточек и листочков. Маргарита дотронулась до ростков, слабо веря в то, что уже следующей

весной растения превратятся в молодые кустики; некоторые, возможно, даже подарят первые цветы.

– Тебя, как и меня когда-то, поразит желание живого существа жить, – сказал брат Амадей и взял из угла лопату. – Как розы, эти недотроги и неженки, чтобы прорасти ближе к солнцу вверх и пустить корни пониже в землю к воде, способны преодолеть зиму, так и человеку по силам вынести страшные невзгоды, вытерпеть любые испытания, что ниспошлет Наш Господь.

Маргарита высадила два черенка розовых роз на могилу Иама, росток желтой розы она подарила могиле Фанжа Толбо, священнослужителя, гонителя демонов и бродяги по прозвищу Блаженный.

– Вы ничего не скажете о моем венчании, брат Амадей, – спросила Маргарита, глядя на квадратный камень с именем нищего. – Или вы не знаете?

– Оо, – широко улыбаясь, показал ровные белые зубы брат Амадей, – кто же в Элладанне не знает о предстоящей свадьбе нашего градоначальника? Да еще и в празднество любви!

– Думаете, я неправильно поступила? Но это не так! Я его люблю!

– Хорошо, – кратко ответил брат Амадей.

– Тогда что не так?

Брат Амадей развел руками.

– Я дал тебе совет: «Не спешить с новым супружеством». Ты к нему не прислушалась... Сейчас это уже не важно.

– Я и не спешила...

– Зная градоначальника уже двадцать лет и вспоминая, как ты прятала глаза на прощании с душой супруга, я думаю, что Ортлиб Совиннак сделал тебе предложение еще до сожжения тела, а ты его приняла. Не переживай, – ровным голосом добавил священник, – с Марленой не поделился своими наблюдениями и не стану этого делать.

– Я до Ортлиба отказала двум мужчинам! – горячо оправдывалась Маргарита. – Раолю Роннаку и Гиору Себесро. Потому что не любила их, а они не любили меня. А мы с градоначальником любим друг друга! Что неправильного в моем поступке? Я совсем не знала Иама... И рядом он был чуть больше суток, но я относил траур всю восьмиду! Всё! Я жить хочу!.. Как эти розы! Епископ Камм-Зюрро сказал, что после траура я должна радоваться жизни, потому что иначе потеряю надежду на милость Божию и паду в Уныние, а мою душу за это сожгут в Пекле!

– Если так говорит наместник Святой Земли Меридиан в Лиисеме, то конечно... – спокойно говорил брат Амадей, не переставая слегка улыбаться. – И ты, сестра Маргарита, как истинная меридианка исполнила всё верно. Тебе не за что себя корить.

– Тогда что не так?! – топнула девушка ногой у могилы Блаженного.

– Не так – это то, что ты сейчас даешь волю гневу. Если бы ты была права, то не топала бы ногой на храмовой земле, да к тому же на кладбище.

– Пожаалуйста, – взмолилась Маргарита. – Ответьте честно. Что плохого? Мы же любим друг друга!

Брат Амадей шумно выдохнул, а затем наполнил грудь пока еще теплым, но уже поосеннему свежим воздухом Лиисема.

– Вот видишь, что ты со мной делаешь! – с укором проговорил он и снова улыбнулся. – Я тоже почти гневаюсь. Сестра, – показал он жестом на ограду кладбища, и они направились к розовому саду, – то, что ты и градоначальник любите друг друга, – это замечательно. И я рад... Я искренне желаю, чтобы ваша любовь длилась вечно... Но так не случится.

Маргарита испуганно посмотрела на праведника.

– Вас сейчас объединяет земная любовь, – пояснил он, – яркая и пышная, как буйно растущая зелень в цвету, но такая связь двух душ прочна лишь с виду и даже пагубна. Счастливое супружество основывается на духовной любви, что прорастает, подобно корням, медленно и

тихо, поэтому я просил тебя не спешить. Ты еще очень юная особа, нетерпеливая до сердечных страстей, и выходишь замуж, ничуть не обдумав свой выбор и даже не дав себе времени на это. Не спорь, дай договорить. Очень прискорбно, но самые пылкие чувства однажды остынут. Любовь может, как и роза, цвести, давать новые стебли, листья, бутоны, – и она меняется. Каждый день – это иное существо, которое едва не гибнет зимой, но по весне дает новые всходы... Или же не дает всходов и погибает, хотя уход за кустом не изменился... От множества причин погибают и цветы, и любовь. Часто старую любовь убивает новая, какая хочет расти на том же самом месте...

Маргарита хотела возразить, но брат Амадей, поднял палец, пресекая ее слова.

– Я еще не договорил, – сказал он, открывая дверь и проходя с девушкой в храм. – Ты спрашиваешь: «Что не так? И что неправильного?» Не так – это то, что ты совсем не знаешь своего жениха. Ты видишь его лучшую сторону, какую он тебе показывает и какая кажется тебе прекрасной. Но пока ты не узнаешь и не полюбишь того Совиннака, каким его знает весь город, твоя любовь не даст по весне новых ростков. Земная любовь может перейти в духовную, но чаще обращается во вражду, – вот почему я тебе советовал быть более осмотрительной с замужеством.

– Что же мне делать? – спросила растерянная и поникшая Маргарита.

Они медленно шли к вратам по молитвенной зале, вдоль скамеек и ярусов боковых лож.

– Выходить замуж, – ответил брат Амадей. – Или бежать из города с семьей, потому что градоначальник Совиннак, если ты его бросишь у венца, будет пострашнее Лодэтского Дьявола. Послушай... не отчаивайся из-за моих слов. Я вовсе не желал тебя пугать... Я лишь честно ответил на твой вопрос, как ты просила, – и вот... расстроил тебя перед самой свадьбой. Но ведь я человек и могу ошибаться. Да и о чувствах влюбленных я знаю намного меньше тебя, тем более о супружеской жизни. В конечном итоге всё зависит от Божией воли. Не зря Добродетель Любви символизирует птица Феникс, что при смерти сгорает, обращается в пепел и затем возрождается. Поливай свою розу, свою любовь, заботься о ней, оберегай ее. Градоначальник ответит тем же... Я так думаю... надеюсь... Кто знает, быть может, ты сотворишь чудо и изменишь Ортлиба Совиннака.

– Вы в это не верите? – печально усмехнулась девушка.

– Ну... Я обязан верить, даже вопреки тому, что думаю, – ответил брат Амадей, останавливаясь в центре храма, под шатром Юпитера. – Извини... Лгать мне нельзя, хотя порой хочется... Еще я думаю, что ему тебя не изменить – чужим советам, мудрым или нет, ты не следуешь.

Глава XIV

Признательность мертвеца

В середине второй триады Целомудрия планета Венера дарила людям лишний день, и меридианцы радовались празднеству любви и счастья – Венераалию. В эти два дня люди имели самый благой настрой, прощали врагов, одаривали подарками друзей, а тем, кого любили, преподносили красные пряничные сердца. Этот праздник с надеждой ждали девушки-невесты, получавшие в Венераалий стихи и сласти, да юноши, признававшиеся своим избранницам в чувствах. Ночью на Главной площади власти Элладанна устраивали «Бал счастья». В солнечном Лиисеме хорошая погода стояла до начала зимы, и если в Венераалий случался дождь, то он, теплый и безобидный, никого не разгонял по домам, тем более тех, кто пришел в поисках своей второй половины. В первый год сорокового цикла лет «Бал счастья» в Элладанне отметили, но пряничные сердца всё равно краснели на лотках торговцев, да и ночью на площадь собирались прийти знакомиться одинокие горожане.

В первый день Венераалия соседи Жоля и Клементины Ботно вспомнили, что очень их любили, и с утра зачастили в зеленый дом с пустяшными подарками. Добрый дядюшка Жоль, конечно, когда этого не видели гости, злился, раздражался, что его отвлекают, и вовсе не походил на счастливого человека. На заднем дворике, на пестром покрытии из разбитых горшков, ржали шесть лошадей – ими и занимался Жоль Ботно: вместе с Синоли и Филиппом он надевал на них богатую сбрую, яркие попоны в цветах Лиисема, налобники с перьями, закреплял седла. Невеста собиралась ехать в храм на голубоглазой Звездочке, ведь боялась не удержаться в седле, осрамиться перед всем Элладанном и доверяла лишь своей любимице. Старую кобылу триаду приводили в порядок – чесали ей гриву да усиленно кормили. В конце концов ее пятнистое тело затянули желтой попоной до земли, а на лоб прикрепили алое перо. Поводья заменили широкие белые ленты с зубцами – такие же, как на красной повозке Гиора Себесро.

Маргариту, бледную от волнения, полностью нарядили к полудню. В ожидании сватов со стороны жениха – тех, кто сопроводит ее до храма, она оставалась наверху, в своей спальне, с Беати и Ульви. Невеста пыталась рассмотреть себя в ручное зеркальце, но хорошо замечала только то, что нездорово выглядит, и едва не срывалась в нервные слезы по надуманным причинам: богатое подвенечное убранство сделало из Маргариты, вчерашней девчонки, пригожую даму, достойную поэм, прославлений, поклонения. Алое платье простого кроя выгодно подчеркнуло ее фигуру, напоминающая тесьму вышивка с жемчугом и бисером придавала наряду торжественности. Плечи невесты обнял белоснежный плащ, ее светлые, золотистого оттенка волосы струились по нему длинными локонами, драгоценный ободок, похожий на венок, обрамлял чело красавицы, а тонкая вуаль мягко обволакивала силуэт девушки и вздрагивала, словно дымка, при каждом ее движении. Ульви и Беати, положив руки на свои выпуклые животы, восхищено наблюдали за подругой и не понимали, почему Маргарита недовольна собой: она без конца кусала губы и щипала щеки, пытаясь вызвать румянец, что раньше никогда ее не подводил.

– Ты – наикрасатящая! – в который раз сказала Беати. – И король взял бы такую в жены! Принц или герцог – точно. Хватит уж истерзывать!

– Вот-вота, – поддакнула Ульви. – А ты для его будешь самовой красивишкой, пушай прочие и лучше. А ежели он любит, то наглазет тока на тебя, как Нинно на меня! Крашное сердечко мне поутру задал!

Напоминание о кузнице было некстати: Маргарита занервничала еще сильнее.

– А, вота чего: он не сможет бывать, – продолжала болтать Ульви, поглаживая живот, слишком большой для ее срока и худого тела.

«Боженька, спасибо за это!» – выдохнула Маргарита.

– Ужась дюже как просил его извинять. А он хворый изнуреньем. А работов ныне во! – широко развела она руки. – Энто всё для войску. Не разобидишься?

– Нет, что ты – ответила Маргарита, опять принимаясь щипать свои щеки. – Пусть поправляется, ничего страшного...

– А ничё страшного, что я безмушней пойду? – тараторила Ульви. – А то мне все говорят, что лучше б я в дому сталася. Ну энто – негоже без мушо-то, кода пузá экая. А я всем скажу, что ты моя сестра да любимишная подруга – и я тябя в замушничестве не брошу! А пирштво у градна начальника! Как можно? Венчанье в храму Праматери! А я тама так ни разу и не набывала. Сиживай давай в дому! Ага! Но коли и ты так...

– Нет, – успокоила ее Маргарита. – Поступай как знаешь.

Ульви подняла голову, довольно заерзала на кровати и многозначительно посмотрела на Беати.

«Вота! – говорили круглые карие глаза Ульви. – Я былась правая! Нету здесь ничто неприлишного».

Беати, беззвучно отвечая, скривила пухлые губы: «Поглянешь еще – правая былась я!»

– Сватыыы!!! – донесся из коридора ор Филиппа.

Он впервые постучался, а затем его подстриженная и завитая как у Оливи голова высунулась из-за двери. Беати и Ульви стали помогать Маргарите закрыть лицо вуалью.

– Я сама, – отказалась она от их услуг.

Ее подруги удалились, хихикая и вытаскивая за собой любопытного Филиппа, что тоже надел новенький наряд, туго обтягивавший его детское тело.

Маргарита расправила вуаль на лице, глянула на себя в зеркальце и замерла. Голос брата Амадея прошептал ей на ухо: «Ему тебя не изменить».

– Да, не изменить, – сказала она своему отражению, превратно понимая слова праведника. – Госпожу второго сословия из меня не сделать. Как не рядись – я посудамошка с улочки бедняков и неудачников.

Но тут же она отмахнулась от таких суждений – всё ж не с герцогом венчается, а Ортиб Совиннак сам имел схожее с ней происхождение, значит, если она будет стараться, то справится. Маргарита еще раз посмотрела на свое лицо, закрытое полупрозрачной вуалью, закинула шлейф на левую руку, перекрестилась и с зеркальцем в руках вышла за дверь.

В гостиной Оливи впервые посмотрел на Маргариту с уважением, и без слов она поняла, что сужэн более не считал ее дурехой – что он оценил ловкость, с какой она устроилась в жизли подле «богатого старика». Гиор Себесро явился один, без спутницы, да и затяжелевшая Залия осталась дома с матерью. Черноглазый суконщик доставил красную телегу, привел несколько лошадей, одел всю родню и был готов дальше помогать, однако не по желанию, а из чувства долга. В сторону Маргариты от него словно задувал зимний холодок. Там же, в гостиной, находился высокий, благообразный молодой мужчина. При виде распрекрасной невесты его лицо не выразило ничего, кроме, казалось, скуки.

– Идэр Монáро, – поклонившись, представился он.

Невеста и сват жениха первыми прошли во двор, а за ними все остальные.

«Гиор и этот мужчина, Идер, могли бы быть братьями, хотя ничуть не похожи, – думала по пути Маргарита. – У Монаро красивые, тонкие черты лица, Гиора же как будто наспех обте-сали, а выражение их лиц одно: ни радости, ни огорчения... Маски, а не лица. И оба санделианцы».

В ее памяти всплыло название раны Иама – «санделианский поцелуй», но она лишь подивилась совпадению – санделианцев, подданных самого большого королевства Меридеи или имевших корни оттуда, по всему континенту насчитывалось несметное множество людей.

Дед Гибих, ожидая невесту около Звездочки, расчесывал бороду деревянным гребнем Ульви; более прихорашиваться он не стал: его коричневые кожаные чулки, порванные на коленке, воняли за пару шагов, за поясом привычно торчал топор.

– Пушай Боже подаст те счастья и любви, девчона, – сказал старик Маргарите, целуя ее сквозь вуаль в лоб. – Ужо в сей-то разок, точно боле не воротайся. Звёздочку-то тока воротай – куды мне без ею?

Маргарита кивнула и обняла его. Теперь у нее будут породистые лошади, подобные гнедому рысаку Гиора: с лоснящимися боками и ухоженной гривой. Звездочка вместе со всем остальным уйдет в воспоминания о Безымянном проезде.

Идер Монаро подержал под уздцы кобылу, пока невеста садилась в женское седло (громоздкое сооружение с подушечкой на сиденье, тремя ступеньками, рогом-ухватом для правой ноги и полукруглой спинкой, за какую также можно было держаться). Дядя Жоль взобрался на красную повозку и взял поводья; к нему сели тетка Клементина, Беати и Ульви. Филипп поехал верхом и от такой почести делал важное лицо, хотя в седле держался неуверенно, а на лошадь даже с приступки еле-еле залезал.

Вскоре свадебная колонна с шутками и пересмешками довольных родственников невесты двинулась по узкому тихому тупичку за Судом. Последнее, что Маргарита увидела, оглянувшись на зеленый дом, – это как дед Гибих закрывает ворота.

Зато площадь перед Судом наводнилась народом. Городские стражники теснили зевак, давая возможность свадебной процессии проехать. Люди подпрыгивали, пытаясь разглядеть девушку под подвенечным покровом. Кто-то хлопал, кто-то свистел или приветствовал ее, но в основном горожане просто пялились. Все балконы и окна домов от Северной дороги до Главной площади, а затем от Западной дороги до улицы Благочестия, усеялись горожанами: следующую триаду Элладанн намеревался обсуждать наряд невесты и ее несчастное, как всем думалось, лицо под вуалью. Каждый желал что-то видеть и опосля судачить про такое неравное, любопытное супружество. Маргарите показалось, что еще на площади, перед храмом Благодарения, когда она искала глазами брата Амадея, то увидела Нинно, но не была в этом уверена. Священник же так и не появился, чтобы ее проводить.

Осеннее солнце порой ярко озаряло город и быстро пряталось за низкими облаками. Затем оно вовсе исчезло, а небо посерело. С севера ветер гнал сизую, устрашающую тучу, что, словно вдовье покрывало, опускалась на Элладанн.

«Дурной знак, – подумала Маргарита и отругала себя за эти мысли. – Нет, я докажу брату Амадею, родне и подругам, всему Элладанну докажу, что все они ошибались. Я стану счастливой женой и матерью, кто бы что ни думал».

Церемония венчания сопровождалась нежной, будто ангельской, песней из уст хористов и проникновенным звучанием невидимого органа. В бесподобном храме Пресвятой Меридианской Праматери, таком, казалось, небольшом с улицы, Маргарита, находясь на алтарном взлете, чувствовала себя крошечной: над ней чернели бескрайние звездные Небеса, под ними горели солнца золоченых лампадофоров, стены вокруг вздымались каскадами беломраморных, малахитовых и яшмовых волн. На левой фреске Пресвятая Праматерь, немного похожая на Марлену, наполнялась сиянием, а за ней простерлись белые крылья ангела. Справа от красочного сатурномера уже взрослый Божий Сын закрыл глаза: он только что умер и еще немного улыбался – так же как всегда улыбался брат Амадей. Над ним, не причинив друг другу вреда, сошлись два светила, знаменуя миг Возрождения. Пресвятая Праматерь убивалась, будучи не в силах превозмочь боль утраты, а у подножия креста переставал плакать младенец. Рядом другие мученики веры возносились с косых крестов к Божьему свету, чтобы стать его частью. Один из тридцати шести ангелов – тот, что держал меч и что так походил на Иама Махнга-

фасса, с укором смотрел на свою вдову из шатра Юпитера, но четверо его собратьев кружили с дарами стихий в шатре Сатурна и благословляли новый союз.

Аненклетус Камм-Зюрро, облаченный парадную золотую мантию, мерцающую то резкими искрами блесков-монист, то деликатными всполохами сапфировых, рубиновых, аметистовых бриллиантов, читал короткий молебен, представляя пару Богу у восьмиконечного алтаря, просил за их счастье и чадородие. Маргарита посмотрела влево на того, кто скоро станет ее мужем: этот властный, уверенный в себе, наполненный волей мужчина, слушая волшебные песнопения, смягчился лицом, – и теперь, вместо важности или суровости, от него исходили волны светлой силы. Бородка клинышком с разливами проседи гордо приподнималась вместе с большой, умной головой; черная тока сменилась почти такой же, только более солидной – с атласным околышем и золотой брошью. Строгая одежда говорила и о достатке этого человека, и о его умеренности. Неброская цепь на широкой груди градоначальника подтверждала его хороший вкус. Не к чему было придраться, но в памяти Маргариты всплывали голоса ее друзей и знакомых.

– У градоначальника есть качества, какие мне нравятся, – первой заговорила Марлена с левой фрески, – он трудолюбив, нелицемерен, нелестлив, независтлив и поступает согласно закону. Если ты будешь честна с ним и независима от него, даже в мелочах, он будет это ценить и уважать. И ты никогда не увидишь неприятную сторону его нрава, не столкнешься с его гневом. Если же обманешь его или предашь – он никогда не простит, как бы ни был дорог ему человек, – Порок Гордыни, ничего не поделаешь...

«Марлена не пришла на венчание, – с досадой подумала Маргарита. – Пришел лишь Огю Шотно с поздравлениями и извинениями, что жена будет отсутствовать по причине траура. И добавил, что она никого не принимает дома, так как занедужила. Она, как и Нинно, внезапно заболела. Осуждает меня. И, возможно, никогда не простит».

Маргарита захлопала глазами, прогоняя неожиданные и неуместные слезы.

– Ты спрашиваешь: «Что не так? И что неправильного?» – заговорил с правой фрески, голосом брата Амадея, Божий Сын. – Не так – это то, что ты совсем не знаешь своего жениха. Ты видишь только его лучшую сторону, какую он тебе показывает и какая кажется тебе прекрасной. Но пока ты не узнаешь и не полюбишь того Совиннака, каким его знает весь город, твоя любовь не даст по весне новых ростков.

– Попомни, милая, – пришла в ее голову Несса Моллак в белом переднике и чалме, повязанной через подбородок, – Ортлиб Совиннак могёт казаться хорошим. Могёт даже бывать таким, но лишь на время, а опосля сызнову станет тем, кто он и есть. И не зря его никто не любит. И он николи никого не любил и не слюбит, окромя себя, чего бы он ни говорил и чяго б ни делывал.

– Градоначальник Свиннак... Несса... А любильники... Притыкнул в кухню... – зашептала в ухо Ульви из прошлого.

«Несса Моллак и Ортлиб Совиннак! – задумалась Маргарита. – Слабо верится, но... когда они познакомились, ей было тридцать, то есть даже меньше, чем той даме с белокурыми волосами, Диане, которая издали выглядит как девушка-невеста. Этой светловолосой даме скорее уже за тридцать – по глазам видно. Кто она такая на самом деле? Она была с Ортлибом в ратуше, пришла на венчание, но первой со мной не стала знакомиться: дождалась, пока Ортлиб меня ей представит, словно она выше меня по положению, а Ортлиб сказал, что она воспитательница его дочери – не прислуга, конечно, но и не госпожа... Не замужем, раз не носит закрытого головного убора, хотя очень красивая и статная... Идер Монаро ее сыном оказался. Сын Ортлиба? Ничуть не похож на него, разве что глаза одного цвета и волосы темные, но Ортлиб вроде назвал его сыном. Тогда почему Ортлиб не женился на этой даме с именем как у богини древних людей?»

Внезапно Маргарита почувствовала сильный прилив дурноты. Она на пару мгновений закрыла глаза, а когда снова подняла ресницы, то сморгнула несколько раз, но невозможное видение не уходило: на алтаре среди чаш, дымившей курительницы и золотого меридианского креста, прыгал маленький Блаженный, голый и похабный.

– Лодэтский Дьявол в город наш придет! Градоначальника тогда он и пригнет! – тонким голосом закричал свои грязные стишки бывший священник.

Лодэтский Дьявол в город наш придет,
Девчонку в красном чепчике он отье...т!
И так и сяк тебя он будет драть,
Везде тебе руками станет залезать!

Маргарита тарасилась во все глаза на алтарь и совершенно настоящего человечка, плясавшего на нем свой срамной танец. Она снова попробовала сморгнуть, но маленький, голый бродяга никуда не исчезал – он выкидывал вперед бедра, помогая себе руками, какие ухитрился развязать на эшафоте.

Блаженный остановился, прокричав эти три куплета еще раза два, встал у креста, посмотрел на Маргариту и подмигнул ей.

– Пасиб за желту розу! – театрально низко поклонился он. – Лицадею завсегда приятное, коль ему дарют цветов! Даже ярмарочному шуту приятно. Благодарррю.

Маргарита вздрогнула – Аненклетус Камм-Зюрро протянул к ней ладонь и позвал ее. Она, чувствуя себя всё хуже и хуже, быстро вложила свою правую руку в нее. Маленький Блаженный оглушительно засмеялся силой тысячи глоток – будто вся толпа с Главной площади перенеслась в его крошечный рот; потом он раскинул руки в стороны и вознесся, закрыв собой Божьего Сына на алтарном распятии, – епископ соединил длани венчающихся прямо перед бродягой. Тот еще издевательски хохотал – эти оглушающие звуки стали дополняться пошлыми выкриками, как и в день его казни. Ортлиб Совиннак сжал безвольные пальцы Маргариты, а потом, нахмурившись, сам сцепил их со своими. Епископ в слепящей глаза мантии улыбался красным ртом, что-то говорил, но девушка больше не слышала его голоса, зато и смех толпы утихал. Вдруг епископ испугал Маргариту: его лаковые черные глаза под хищно изогнутыми бровями посмотрели на нее как на свою жертву, что вот-вот падет, и он ей, еще живой, пообедаст. Нос-клюв прелата похотливо расширял ноздри. У невесты всё поплыло перед глазами: стены стремительно убегали ввысь, четверка ангелов спустилась из шатра Сатурна и запарила над ней хороводом, ставший необычайно громким сатурномер отсчитывал секунды тайного девятого диска, и бой походил на набат Толстой Тори, колокола из ратуши. Мутное лицо Ортлиба Совиннака нависло тенью – и последнее, что Маргарита помнила, как его усы пощекотали ее под носом. Дальше тьма разрослась, и в ней соколом летал на вороних крыльях красный демон с мужским, лишенным кожи телом, пахло потом и кровью. И демон летел к ней, падая камнем.

Тьма, гонимая светом серого неба, сгущалась в центре и смутно вырисовывалась в лицо градоначальника, его бородку с проседью и новую черную току. Ортлиб Совиннак размывался в синеватой, сумеречной пелене. Его голос доносился издалека, как если бы Маргарита снова тонула в бочке и слышала звуки из-под толщи воды. Сознание возвращалось медленно, с чувством холода и болью в висках. Невеста, неподвижно лежавшая на скамье, казалась себе выбирающейся из темного колодца.

– Ну же, любимая, приходи в себя, – услышала Маргарита голос Ортлиба Совиннака. – Как же ты меня напугала! – похлопал он ее по щеке.

Краски возвращались, насыщая листву за спиной Ортлиба Совиннака пронзительно-зеленым, а сумеречная дымка перед глазами таяла. Маргарита ощутила, как по лицу иголочками засеменял мелкий дождик.

– Я... потеряла сознание в храме? – услышала она себя и не узнала: голос был слабым, лишенным жизненной силы.

– Да, любимая, – нежно поцеловал ее Ортлиб Совиннак в лоб, а затем в обе щеки. – Перепугала нас... Но обвенчаться мы успели: свидетели расписались в храмовой книге и епископ Камм-Зюрро заверил ритуал. Ты теперь моя... – легко поцеловал он ее в губы. – Русалка моя, – вздохнул мужчина и крепче прижал к себе девушку.

Он сидел на скамье рядом с храмом, в самом начале кладбища, где возвышался белый склеп герцогов Лиисемских. Маргарита полулежала в объятиях мужа. Никого, кроме него, рядом с собой она не видела.

– Когда я был маленьким, – говорил Ортлиб Совиннак, – то жил около Веммельских гор: почти деревня – ничего особенного, кругом одни рыбаки... Там бухта была, какая звалась Русалочьей, потому что когда-то один рыбак поймал там в сети русалку. Давным-давно... Бухта, если смотреть на нее со скал, была изумительного зеленого цвета с очень прозрачной водой. Я там днями пропадал лет с десяти или раньше – высматривал свою русалку, – и так до четырнадцати, пока навсегда оттуда не ушел. Сначала хотел сокровище, что русалка дает за свою свободу, но потом уже хотел иметь свою русалку... – тихо засмеялся он. – Свою русалку и ничью иную, – нежно погладил Ортлиб Совиннак лицо Маргариты, вытирая с него капли дождя. – Когда я тебя впервые увидел, то твои глаза были цвета той бухты – изумительные... зеленые и прозрачные. И сейчас они такие же... И я сразу влюбился. А чем больше узнавал тебя, тем сильнее и сильнее влюблялся.

Девушка ему улыбнулась.

«Чего я так боялась? – промелькнуло у нее в голове. – Он замечательный!»

– Прости... Я уже опозорила тебя – сразу... да еще и в храме.

– Нууу, ты меня предупреждала, – усмехнулся он. – Я был готов... Даже к этому... Переживала?

– Кажется, да... И, кажется, я толком не кушала дня три... Со дня юпитера...

«С тех пор как была в храме Благодарения», – чуть не сказала она.

– Это мы скоро поправим! – ответил градоначальник и, став серьезным, поцеловал ее снова – на этот раз так же, как и в беседке: долго, медленно, проникая глубже и будто выпивая из Маргариты остатки сил.

Потом он донес ее на руках до дороги, где их ждали гости.

– У госпожи Совиннак легкая слабость! – громко сказал им градоначальник. – Обычные волнения юной особы в самый важный для нее день. В дорогу. Нам следует поспешить, если мы не хотим промокнуть.

Его большой вороной конь, достойный рыцаря в турнирных доспехах, по команде подогнул ноги и опустился перед хозяином. Маргариту Ортлиб Совиннак усадил на свои колени, боком. Обнимая обессилевшую девушку, он пустил коня по дороге мимо домика Марлены.

«Госпожа Совиннак, – прошептала про себя невеста. – Госпожа Маргарита Совиннак!»

Дождик уж всюду лил, когда свадебная процессия приблизилась к темно-красному дому градоначальника. Пегай Звездочка, в попоне и с намокшим пером, непонимающе косила голубым глазом на свою хозяйку, которая ехала в объятиях большого мужчины, устало положив голову тому на плечо. На прощание Маргарита, как всегда делала, прижалась щекой к лошадиной морде, а та лизнула ее руки.

– Пойдем же в дом, – позвал Маргариту муж. – В моей конюшне кобылу согреют и накормят. И тебя кормить пора, а то так перемодничала ради фигуры, что едва на ногах стоишь, –

смеялся он. – И прочие скоро попадают! Твои подруги, что в тягости, вот-вот тоже свалятся с голоду.

Он опустил левую ладонь на тыльную сторону правой руки Маргариты (взял ее за пальцы так, как в Орензе муж брал руку жены) – и через широко раскрытые двери жених ввел невесту в свой дом. Немногочисленные гости и слуги им захлопали. Со стороны Ортлиба Совиннака присутствовали только его дочь Енриити, Диана Монаро и Идер. Огю Шотно вернулся к заболевшей супруге.

Гости со стороны невесты, кроме Гиора и Оливи, войдя в дом, притихли: простор комнат и их убранство поначалу подавили веселье. Ортлиб повел всех в парадную залу, какая оказалась больше, чем весь зеленый дом Ботно. Еще у входа в нее гости увидели красный балдахин, нависавший крышей над отдельным столом для жениха и невесты. Вторым стол у окон предназначался для приглашенных на застолье. Камин на противоположной от окон стене подпирали потолок; по обе стороны от него, будто караульные, встали высокие буфеты для напитков и угощений; с их полок хвастливо показывала себя расписная и позолоченная посуда. Вся обстановка была массивной, основательной, из темного дерева с резьбой, – мебель, сделанная на века, если не на тысячелетия. Тяжелые красные портьеры спускались к полу из черного сланца, в центре белела мозаика с орензской звездой. Между окон и на трех стенах тускло поблескивали оловом и бронзой декоративные щиты с соколами – подарки от герцога Лиисемского; их разбавляли два портрета в полный рост, выполненные на вытянутых досках. С картины слева стройный, сорокалетний Ортлиб Совиннак смотрел на себя, грузного и поседевшего. С другого портрета покойная хозяйка этого дома, тоже одетая в подвенечное красное платье, удивленно уставилась на новую супругу своего мужа. Деревянный барельеф, обрамлявший потолок, изображал сцены из жизни святого мученика Эллы: урожденный единственным наследником обширных земель, он сначала выбрал воинский путь, но после проникся верой, стал монахом и истязал себя лишениями вплоть до восхождения на крест. Судьбоносную для Лиисема встречу мученика и Олфобора Железного рассказывали цветные витражи в верхней, закругленной части окон.

Парадная зала, обставленная со старомодной строгостью и впечатляющим размахом, будто бы пропиталась тенями мрачной эпохи Альбальда Бесстрашного. Маргарита, как и ее родные, чувствовала себя здесь скованно, но музыканты на балконе заиграли легкую мелодию – и гости повеселели. К градоначальнику из буфетной комнаты выбежали борзые собаки: три из них – невысокие, рыжие, в светлых носочках на тоненьких ножках и с белой мордой; четвертая – большая, грациозная и совершенно белая.

– Ааа, мои хорошие девочки, – расцвел градоначальник, наглаживая собак. – Это Алти, Ильтá, Дарí и белая – это Альба, – представил он собак Маргарите. – Все суки... И меня любят до безумия, а я их. Вот, ваша новая подруга, – показал он собакам на жену.

Собаки с дружелюбием отнеслись к «новой подруге», лишь белоснежная Альба неприязненно зарычала, когда Маргарита захотела ее погладить.

– Ревнует! – смеялся довольный градоначальник. – Не бойся, она не укусит. Эти собаки незаменимы для охоты на зайцев, а вот для охраны они не годятся – их самих надо охранять: уж очень они ласковые и доверчивые к людям. У Альбы, у единственной, есть норы, на то она и красавица... Диана, мона Монаро, – посмотрел он на холодную, статную блондинку, – проводите госпожу Совиннак и других уважаемых дам в женские покои.

Та присела, чуть склонив голову.

– Мона Монаро не только воспитательница Енриити, – сказал Маргарите муж. – Также она вела хозяйство этого дома, за неимением у меня супруги. Диана всё тебе расскажет об укладе, к которому я привык. Со всеми вопросами обращай к ней... И сейчас иди с ней, любимая. Прихорошиться и спускайтесь – будем праздновать, – поцеловал он руку жены. – Тебе принесут чего-нибудь перекусить наверх, а я пока выпью с Жолем и Гиором.

Женщины поднялись на второй этаж по лестнице – еще одному произведению искусства из розового и темного дерева. Диана Монаро несла себя впереди Маргариты, двух ее подруг и тетки Клементины с достоинством высокородной дамы. Маргарита побаивалась заговаривать с ней, хотя чувствовала неловкость из-за молчания.

– А у вас волосья экие красивышние, – вдруг сказала Ульви Диане. – Вы с Бронтой?

Блондинка повернулась и бросила на нее презрительный взгляд.

– Я из северной Санделии! – гордо сказала Диана. – Исконные санделианцы – светловолосяе и светлоглазые! Это знает любой мало-мальски неглупый человек!

Ульви погрузилась, но Диана решила окончательно уничтожить эту простушку.

– А где ваш супруг, ммм... Как вас там?

– Госпожа Граддак, – испуганно ответила Ульви.

– Так где он, позвольте узнать, хм, госпожа? Неужели вы вышли в люди со столь тяжелым чревом без сопровождения, без мужа? Гадай теперь: достойная вы или падшая!

Тетка Клементина тоже хмыкнула, соглашаясь с воспитательницей. Беати, хоть и оказалась в конечном итоге права, была готова разреваться вместе с Ульви. Маргарита посмотрела на подруг и, не думая о последствиях, заявила:

– А где ваш супруг, хм, мона Монаро? Позвольте узнать! Вашего сына мы сегодня видели, а супруга еще нет! Гадай теперь: достойная вы или падшая!

По серому льду в глазах гордой блондинки, Маргарита поняла, что приобрела опасного врага, едва вступив в новую жизнь, – и снова из-за своей помощи Ульви.

– Ваша спальня, госпожа Совиннак, – со сталью в голосе сказала Диана, – вторая по коридору: большие двойные двери. Там вас ждет покоевая прислужница, которая вам поможет. Прошу извинить, мне тоже нужно убрать себя, – едва склонила она голову, показывая, что прощается.

Маргарита вспомнила, как Диана Монаро смеялась над ней из окна ратуши, и не стала отвечать на лицемерную вежливость. Воспитательница и госпожа Совиннак смирли еще раз друг друга взглядами: словно схлестнулись серые воды под зимним небом и зеленые волны солнечного побережья. После чего Диана Монаро, выгибая прямую спину еще ровнее, удалилась и скрылась за самой дальней из дверей коридора.

– Вот это шука... – прошептала Беати. – Грити, бедняжка, я тебя столь сожалею...

Тетка Клементина снова хмыкнула – так, что стало понятно: Беати сморозила глупость. С точки зрения Клементины Ботно, сберегавшей медяки и стиравшей простыни из постоянного двора, богатство и его блага с лихвой перекрывали любые колкости слов.

За дверными створками, массивными и тяжелыми, как всё в этом доме, находилась удивительно светлая комната покойной первой супруги градоначальника. Мебель и здесь была громоздкой, старомодной, но в светлых драпировках. Мелкие, алые бутончики роз, будто расцветая на белом снегу, заволокли стены, балдахин и покрывало гигантской кровати. Была здесь и дневная кровать – лектус, накрытая красным бархатом и дополненная подушкой-валиком. Эта лежанка, гордый символ матроны, отделяла спальную часть комнаты от гостевой – той, где к скамье, будто к подружке, доверительно приблизились столик и широкое дамское кресло с Х-образными округлыми ножками, прозванное в свете «болтушкой». Разглядывая обстановку, Маргарита уже видела себя лет через четырнадцать-пятнадцать: как она, важная и степенная, полулежит на лектусе, а три ее дочери вышивают, обсуждают ухажеров или играют с лохматой, беленькой собачонкой (ласковой и непохожей на Альбу). Маргарита уже даже дала имя собачке – Снежинка, придумала, что старшая дочка, красавица-Ангелика, выйдет немного похожей на Ортлиба, самая младшая – на нее, а вот средняя всех удивит – уродится в кого-нибудь из далеких прабабушек.

Кроме входных дверей в спальне были еще две дверцы. Из-за ближней вдруг выбежала смешная девчонка в точно таком же белом чепчике с завязками под подбородком, какой раньше носила Маргарита.

– Рада приветствовать госпожу хозяйку, – низко поклонилась она и затараторила. – Меня зовут Алефтина или просто Тини, я ваша покоевая прислужница. Обращайтесь ко мне хоть днем, хоть ночью. Я буду помогать вам раздеваться, омываться и убирать себя, буду приносить завтрак и исполнять ваши поручения. Любые! Едва скажите – я всё сделаю очень быстро!

– Там твоя спальня? – спросила Маргарита, показывая на дверь, откуда появилась прислужница.

– Нет, что вы, госпожа Совиннак, – почему-то испугалась девчушка. – Там ваша гардеробная. А следующая дверь – уборная. Простите, моя госпожа хозяйка, – добавила Тини, – я должна была вас здесь ждать, но не смогла сдержаться. Там такие наряды!

Дамы сразу устремились туда. Отдельная гардеробная являлась веянием новых времен: лет двадцать назад даже аристократы обходились уборной – комнатой, где одевались, прихорашивались и справляли нужду, а купались до сих пор люди в спальнях. Одевания стоили дорого; их оставляли в наследство, дарили на свадьбы, хранили в приданом; их латали, чинили, перешивали. Раньше считалось, что лучше иметь всего три платья, зато ценных. Меж тем повсеместно богатели дельцы из третьего сословия, какому запрещалось носить одежду из парчи и узорной камки, но из ярких местных шелков – сколько хочешь, и незнатные прелестницы удивляли свет разнообразием нарядов. Далее мода на «простоту» удачно совпала с концом очередного цикла лет, а гардероб модницы или модника, значительно расширившись, перестал вмещаться в один ларь.

Маргарита зашла последней в хранилище своих женских сокровищ. Там ее прежде всего удивил необычный шкафчик, похожий на толстую разносчицу, поскольку он увенчивался деревянной головой – подставкой для головного убора; под его двумя выдвижными ящичками-грудями откидывалась, будто лоток, столешница, да еще две подвижные, изогнутые «руки» держали чашу и зеркальце. Внутри «чрева» этого необычного дамского шкафчика виднелись разные мелочи: гребни, щеточки, палочки и пузырьки, – по-видимому, наследство прежней хозяйки, как и сам диковинный шкаф. Еще одно зеркало подмигивало бликами со стены. На полках гардеробной уже расположились эскоффионы, в сундуках затаилось белье, на перекладинах повисли нарядным парадом платья. Во встроенном в угол шкафчике, под замком, наверно, хранились драгоценности, но ключа от него Маргарита пока не имела. По традиции, жена получала ценные подарки от мужа после первой супружеской ночи – во второй день свадебного празднества, и это имущество оставалось у нее при вдовстве, помимо законной трети.

– Боже, Грити, экая же ты наисчастливейшая! – воскликнула Беати, разглядывая платья.

«Ну наконец-то! – удовлетворенно подумала Маргарита. – А то бедняжка да бедняжка...»

Ульви, быстро всё потрогав и ни на чем не задержав внимания, убежала в уборную – вскоре и оттуда стали доноситься крики восторга. Беати и тетка Клементина тоже захотели осмотреть там обстановку, а Маргарита сняла плащ и мокрую вуаль и попросила Тини помочь поправить ее убранство.

«Тини – точно не Марили, и слава Богу! – думала Маргарита, разглядывая свою помощницу. – Очень молоденькая, приятная, хоть и не красавица. Грамотная речь, чистая кожа, каштановые, как у Беати, волосы и раскосые глаза, как у герцога Альдриана, только карие. Тоненькая, как Енриити, но тем, как спешит без нужды, похожа на Ульви. Надеюсь, мы поладим».

– Сколько тебе лет, Тини? – спросила Маргарита девчушку, пока та ползала у подола ее платья со щеткой.

– В восьмиде Смирения стало четырнадцать. Тридцать седьмого дня меня подбросили к дому младенцев – я тогда и отмечаю.

– Да? – удивилась Маргарита. – Ты даже немного старше меня... Ты еще не замужем?

– Я же из приюта, преступнорожденная и бесприданница, – печально вздохнула Тини. – Такая никому не нужна. Мне очень повезло, что господин Совиннак отобрал меня для вас. Пожалста, не выгоняйте, – выпрямила она спину и оказалась на коленях. – Я буду ооочень стараться.

Миряне с незаконным рождением, если платили подати, то получали защиту закона, но сами в суд подать не могли, только под патронажем работодателя или землевладельца. Покидая приют, такие молодые мужчины приобретали новое родовое имя, причем сохраняя почетные окончания на «ак», ведь они помогали им поступить на воинскую службу. Далее, заработав достаточно, мужчина покупал дом или землю, после чего становился «законным» и имел все права свободного человека. Те, кто не имели родового имени (преступнорожденные, несвободные землеробы, незамужние женщины с незаконным рождением или лишенные имени) без работодателя или землевладельца, платящего за них подати и дающего им свое покровительство, вовсе были для закона бродягами. Поэтому страх Тини лишиться места пояснений не требовал. Да и должность ей досталась почетная – тогда как горничные занимались уборкой комнат, покоевые прислужницы (или покоевые девушки) являлись личными служанками господи, иногда даже ее подругами.

– Уверена, мы поладим, Тини, – улыбнулась Маргарита. – А, знаешь, я тоже сирота и бесприданница – и ты не отчаивайся. Однажды выйдешь замуж по мирскому закону и, конечно, по любви.

Тини продолжила радостно махать щеткой.

Впервые на памяти старожилов Элладанна ночью в Венераалий бушевала буря – да такой неимоверной силы, что она разогнала по домам тех, кто пришел на Главную площадь в поисках своего счастья. За витражами со святым мучеником Эллой и прославленным рыцарем Олфобором Железным вспыхивали молнии, а от раскатов грома гости в доме градоначальника вздрагивали, затем хохотали и поднимали бокалы. Конечно, беззаботно веселились лишь приглашенные со стороны невесты. Идер, его мать и Енриити смотрели на родню Маргариты как на сельван. Синоли и Жоль Ботно напились так, что едва ходили. Оливи тоже опьянел. Он вел себя пристойно, вот только откровенно пялился на Беати масляными, мутными глазами. Он попробовал пару раз так же посмотреть и на невесту, да, столкнувшись с глазами-прорезями градоначальника, навсегда потерял к Маргарите интерес. Беати и Ульви много не пили, но захотели танцевать. Пошатывавшиеся дядя Жоль и Синоли составили им компанию – и четверка, как умела, исполнила несколько танцев. Незнакомая с Культурой тетка Клементина, нарушая ее правила, жадно шарила глазами, запоминая малейшие детали, о каких намеревалась трезвонить всем, кто поинтересуется. Филипп налегал на сладости, облизывая пальцы. Пожалуй, один Гиор вел себя безупречно. Он учтиво общался с Енриити и даже станцевал с ней павб, «танец павлинов». С этого танца начинались балы – и тогда самая знатная пара величаво двигалась по кругу, то кланяясь, то поворачиваясь, остальные же ими любовались. По традиции свадебный бал следовало бы открыть жениху и невесте, да вот Ортлиб Совиннак никогда не танцевал, поэтому не танцевала и Маргарита, хотя она удивлялась: зачем тогда ее учили этому искусству. Новая госпожа Совиннак просидела всё свадебное пиршество трезвой, порой красневшей за родню и благодарной мужу за то, что он не корит ее за их поведение, а радуется такому искреннему веселью.

Не считая сладких угощений и закусок, за вечер три раза менялись главные блюда, поразившие гостей необычайным видом: рыба возлежала среди «огненного моря», гигантское яйцо, расколовшись, явило запеченного гуся, поросенок, утыканный разноцветными хлебными иглами, походил на ежа из радуги. Маргарита, любившая полакомиться, постаралась попробовать всего понемногу, ругая себя за то, что не может сдержаться и слишком

много кушает, а Диана Монаро видит ее неискушенность и посмеивается. Ортлиб Совиннак, наоборот, волновался, что она ничего не ест и постоянно пытался чем-нибудь ее угостить. Еще он с удовольствием кормил своих четырех собак.

Гроза не утихала, и хозяин дома гостеприимно настоял на том, чтобы вся его новая родня осталась ночевать у него. Ближе к часу Любви, в шесть часов и две триады часа, жених первым вышел из-за стола и подал руку невесте (свободных женщин, бывших вдов, уже не передавали от отца к мужу и не уносили в спальню на руках). На втором этаже Ортлиб Совиннак повернул направо, в мужское крыло, Маргарита пошла в левую сторону, в свою спальню, готовиться к супружеской ночи.

У жаркого камина ее ждала купальная кадушка с ароматной водой. Пока Маргарита блаженствовала, Тини расчесывала ее волосы.

«Если бы Ортлиб не успел меня поцеловать, то что тогда? – думала Маргарита, нежась в теплой водице и прикрывая от удовольствия глаза. – Можно было бы заново провести венчание? О таком я еще не слышала. Надо будет спросить епископа Камм-Зюрро. И поцеловала ли я Ортлиба в ответ? Я ничего уже не чувствовала... Ну, душой и сердцем я точно ответила на поцелуй... – успокоила она себя. – Раз сам епископ признал нас мужем и женой, значит, так оно и есть».

Но дурные мысли упорно лезли в ее голову. Дожидаясь мужа, сжавшись в комок на огромной кровати его бывшей супруги, она опять начала тревожиться. И эта кровать, и лектус, и диковинный шкаф из гардеробной будто не принимали ее: другая женщина, их настоящая хозяйка, когда-то с явным воодушевлением выбрала эти вещицы для собственного семейного счастья, а вовсе не для новой госпожи Совиннак, явившейся на всё готовое и присвоившей себе чужое. Единственной родной вещью для Маргариты в этой спальне было зеркальце, подаренное дядюшкой. Даже тонкую, шелковистую сорочку, что она надела для первой близости с супругом, кто-то неизвестный заказывал у белошвейки – и упорно всплывало холодное лицо Дианы Монаро. Раскаты грома за окном усиливали гнетущее чувство: порой грохотания небес казались взрывами пороха, казались звуками войны.

«Буря завсегда означает приход нечисти», – шептала в голове Маргариты Петтана из хлебной кухни, а она вспоминала Блаженного, скакавшего на алтаре.

«Меч Лодэтского Дьявола бьет насквозь самый крепкий доспех, – влезла тощая Майрта, – и всё оттого что сей злодей точит его человечесьей костью. И тока костью красивой женщины. Он сперва насильничает над ею, а засим ей, ель живой опосля самых срамных утех, режет ляжку и рвёт кость! И несчастная мрет, узря, как он точит свойный меч. И чем крашее женщина, тем егоиный меч острее – колдовство!»

Неожиданно алые бутончики роз с портьер и стен почудились пятнами крови на снегу – вся спальня и кровать будто бы стали забрызганными кровью. Маргарита перевернулась на другой бок, пытаясь не думать о том, что лодэтский варвар, уж если не демон, то точно продавший душу Дьяволу человек с колдовскими серебряными зубами (чудовище в черных доспехах, на черном коне, с черной собакой и с черной женщиной!) войдет в Элладанн и исполнит пророчество из грязных стишков Блаженного: надругается над ней, а затем, наверно, заточит свой невероятно острый меч, пронзающий насквозь рыцарские доспехи, костью девчонки в красном чепчике.

Наконец послышался шум в коридоре, и двери приоткрылись. Градоначальник появился в зеленой тунике и в привычной черной токе на голове. Он сел на кровать рядом с Маргаритой, удивленно смотревшей на его головной убор.

– А, это... – проследил ее взгляд Ортлиб Совиннак. – Я пугать тебя не хочу. Сниму, когда свечу погасим...

Он немного помолчал.

– Герцогу Альбальду угодить было непросто, – хмуро изрек он. – Вовсе не просто... А вот заслужить наказание легко... Я ослушался его, и он мне на всю жизнь свой знак оставил... Чтобы я не забывал... Об этом почти никто не знает. Семья только... Даже Шотно не знает.

Маргарита приподнялась выше и села рядом с ним.

– Сними, – попросила она. – Я тоже теперь твоя семья.

Он покачал головой.

– Ты такая красивая... Я боюсь, что ты перестанешь на меня смотреть так, как сейчас смотришь.

– Но я ведь всё равно увижу...

Целуя лицо мужа, она сняла току. Под ней оказалась еще одна тонкая черная шапочка, считавшаяся бельем и давно вышедшая из моды. Ортлиб Совиннак сам ее стянул, после сдвинул волосы и опустил голову, позволяя рассмотреть знак на темени – среди плещи бугрился старый ожог с буквой «А» и мечом на ее завершающей вертикали – печать герцога Альбальда Бесстрашного.

– Не спрашивай, чем я это заслужил, – расстроено и зло проговорил Ортлиб Совиннак. – Я не готов рассказывать.

– Не буду... Посмотри на меня, – тихо попросила мужа Маргарита. Когда он поднял голову, она увидела, что грозный градоначальник испуганно ждет ее отклика. – Это такая мелочь, – прошептала Маргарита и поцеловала его в губы.

Ортлиб Совиннак улыбнулся и повалил ее на постель. Его большие руки, настоящие медвежьи лапы, нежно и ласково сжимали ее, а он сам, медленно и никуда не спеша, наслаждался телом красавицы. Придавленная его весом девушка тонула в этих сильных и мягких руках, желая, чтобы они никогда ее не отпускали. После любви она засыпала с улыбкой, положив голову на широкое, уютное плечо; мужчина погружался в забытие, вдыхая ее запах, лежал опутанный, словно драгоценной сетью, золотистыми русалочьими волосами.

Глава XV

Первый выход в свет

Культурой называли свод правил поведения, приличествующих положению человека. Племяннице скромного лавочника простили бы незнание застольных манер, если бы видели, что она старается вести себя негрубо. «Ведь эта бедолага не имеет должного воспитания, да и ненужно оно ей вовсе в ее лавке», – так милостиво думали люди, знакомые с Культурой. Но снисхождения к быстро разбогатевшим дельцам из «новых домов», патриции из облагородившихся «старых домов» уже не имели: высмеивали их подражательства аристократам, броские выходы в свет и стремление пустить пыль в глаза, например, роскошным пиршеством, «хотя сами еще вытирают руки о скатерть». Супруге градоначальника, как раз представительнице «нового дома Элладанна», конечно, тоже не извинили бы огрехи в поведении – и лет через двадцать ей бы припоминали все нелепости, допущенные в юности.

Кроме утонченных манер от дамы света требовалось умение поддержать беседу, прибегая к аллегориям при обсуждении неловкостей, но при этом ясно донося свои мысли, дабы ненапроком не быть понятой превратно. Маргарита с удивлением узнала, что если мужчина «носит зеленую шляпу», то супруга ему изменяет, а если «почил в цветах», то не умер, а отлично развлекался, добившись всего, чего хотел. Выражение «надеть зеленые башмаки» говорило о распутстве, «купание в текучей воде» означало мимолетную связь, «прогулки по лугам» – плотские отношения, «увязнуть в болоте» – пасть в преступный разврат, «подарить кувшинку» – соблазнять даму, «принять кувшинку» – поддаться соблазнению, «убить единорога» – потерять девственность, «зажечь в спальне свечи» – пригласить супруга на близость. Саму близость как только не именовали: и «греметь цепями», когда она происходила между супругами, и «поест вишни», и «сложить вместе две половины яблока». Женские половые органы сравнивали с цветами или фруктами (персиком, мушмулой), мужские – с оружием или инструментами труда, семя – с молоком. Слово «любленик» всего лишь подразумевало дорогого друга, а «любовник» было неприличным, и его подменяли выражением «близкий человек»; или, чтобы не оставлять двусмысленности, в кругу друзей можно было тихо сказать «интимус». Беременность вуалировали фразами: «поднять пояс на платье», «носить свободные одежды» или «пробывать в надежде». Если дама хотела омыть тело в одиночестве, то сообщала супругу, что ей сперва нужно «полить сад» или «отдохнуть среди роз и лилий». Хозяйка дома приглашала дам в уборную, предлагая взглянуть на что-либо в своих покоях, например, полюбоваться видом парка из окон. Если дама сама с той же целью удалялась из общества мужчин, то сообщала им, что проводит слуг, детей, подруг или сделает что-то еще, лишь бы те не догадались об истинной потребности ее отлучки. Чаще всего благоречивые особы говорили, что пойдут молиться. Все эти тонкости Маргарите разъясняла «наставница Культуры» весьма почтенного возраста: с самым серьезным выражением на строгом лице она просвещала неопытную супругу градоначальника, а та едва сдерживала смех и подозревала, что многие выражения уже давным-давно устарели – по крайней мере, Ортиб Совиннак аллегорий избегал и предпочитал всё называть, хоть и в рамках приличий, но своими именами.

Одними из самых важных разделов Культуры были: знакомство, приветствие и прощание. Женщина ждала, пока ее покровитель (отец, брат или супруг), представит ее незнакомцам, до того безмолвствовала. Если ее вообще не представляли, то следовало молча кивнуть на прощание. К знакомым мужчинам из своего, второго, сословия или из третьего Маргарита должна была обращаться первой, а также окликать их на улице. Если перед дамой, до ее оклика или знака внимания, не снимали на улице шляпу, то ей обижаться не стоило – так она избегала назойливости прохожих или неудобных ситуаций. Зато мужчину обязательно приветствовали первыми люди из низшего, чем он, сословия. Никогда не снимать шляпу позволялось аристо-

кратам, рыцарям, мужчинам из второго сословия (но именно им – не в случае приветствия короля) и, конечно, всем женщинам без исключения. Высота головных уборов у дам являлась статусной и даже среди аристократок распределялась от титула к титулу. С уже знакомыми женщинами первыми заговаривали те особы, что были выше по положению, но кивок головы или поклон должна была сделать особа, что была ниже по положению. То же касалось и общения с аристократами: их требовалось молча приветствовать поклоном, но ни в коем случае не заговаривать с ними первой.

Маргарита с интересом изучала эти тонкости, правда, применить их ей едва выпадал случай. Ее жизнь в темно-красном доме была тихой, полной достатка и спокойствия. Юная жена градоначальника совсем не выходила в свет и не устраивала званных обедов. В празднество Перерождения Огня она появилась с мужем в храме, а в Возрождение, когда первый год, сорокового цикла лет, сменялся вторым, Маргарита, как все верующие меридианцы, отстояла на коленях двухчасовую ночную службу и со слезами на глазах возрадовалась. Больше молодую красавицу не видели ни в городе, ни на торжествах. В Сатурналий она сама отказалась идти в ратушу, ведь это веселое празднество было для нее связано с умиравшей мамой. После Возрождения, когда всю первую триаду Веры горожане предавались увеселениям, уже Ортлиб Совиннак оказался чем-то занят – не ходил по гостям и никого к себе не звал.

Из-за непоявлений в свете молодую красавицу жалели как узницу, но, вопреки всем предсказаниям и опасениям самой Маргариты, суровый градоначальник Элладанна стал ей нежным супругом, подарив счастье взаимной любви, и она распускалась цветом среди зимы, будто редкий бутон розы. Госпожа Совиннак только радовалась тому, что не общается со сказочно богатыми патрициями из «новых домов», чванливыми господами из «старых домов», насмешливыми поэтами или менестрелями, любимчиками торжеств. Размеренное, беззаботное, лишенное труда существование, хоть и губило ее душу, очень ей понравилось. Особенно ей нравилось не просыпаться более с рассветом.

«Эту битву я еще не проиграла, – оправдывала себя Маргарита. – Первое из добрых дел – это молитва, значит, Лениности у меня пока нет, – и поспать можно подольше. Да и один Порок можно себе позволить. С одним Пороком душу даже берут в Элизий. Я лучше с Унынием и Любодеянием буду бороться сильнее прежнего! А вот раньше шестого часа из постели точно более не вылезу».

Договорившись со своей совестью, Маргарита лишь к полудню спускалась вниз, в часовню, где домочадцы и вся прислуга собирались в час Веры. Люди из первого и второго сословий очень гордились тем, что жили благочестиво и являлись примером для прочих мирян: в доме градоначальника никогда не трапезничали в часы Воздержания и Веры, а молитвы так вообще читали каждый час. Для этого у Маргариты кроме молитвослова появился красочный часослов, с которым она не расставалась в течение дня. Уроки Боговедения с епископом Камм-Зюрро пока отложили, поскольку всё время у госпожи Совиннак занимали иные науки и умения. Она изучала Культуру, Географию и Историю, деликатности меридианского языка, изящество движений в танцах и мастерство верховой езды в женском седле при быстром шаге лошади, а потом и при рыси. Ортлиб купил для жены небольшой орган, потому что образованная дама должна была играть хоть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Еще ей надлежало вышивать, как делали другие женщины света. К примеру, Енриити и Диана Монаро трудились над алтарным покрывалом, даром храму Пресвятой Меридианской Праматери. Маргарита никогда не любила рукоделие, но покорила и терпеливо осваивала хитрости ажурного шитья, ненавидя коварную тоненькую иглу и вертлявую шелковую нить почти так же, как когда-то стирку простыней.

К окончанию первой триады Веры снег еще не выпал. Горожане зябли, проклиная дождливую зимнюю сырость, пробиравшую до костей, и ждали короткой белой сказки. Вести из Нонанданна приходили неизменные: противостояние успешно продолжалось, дорога на Элла-

данн надежно охранялась, вражеское войско осадили в Тронте – и там «варвары уж сглодали с голодухи всех лошадей». Поговаривали о новом наборе пехотинцев, дабы в решающей битве прогнать прочь ладикэйцев и мрачного герцога в черных доспехах из родной Орензы. Нинно и Синоли вместе с другими кузнецами работали над колоссальной пушкой, что, метнув каменные ядра к самому горизонту, посрамит громовые бочонки Лодэтского Дьявола.

Беати, Ульви и Залия, согласно расчетам астролога, ожидали родов примерно в одно и то же время: после празднества Перерождения Воздуха. И всем троим астролог пообещал сыновей. Маргарита к концу первой триады Веры еще не понесла, из-за чего расстраивалась. Ее супруг, если не оставался ночевать в ратуше, всегда приходил к ней, но часто они засыпали, не дождавшись окончания часа Целомудрия. Муж говорил Маргарите, что устал, и просить понять его, старика. Она понимала и забывалась безмятежным сном в его объятиях. Утром Ортлиб Совиннак всегда вставал на рассвете и покидал постель, пока девушка дремала.

«Некуда спешить с детьми, – успокаивала себя Маргарита. – Мне через восьмиду и две триады только пятнадцать исполнится».

Енриити едва общалась с Маргаритой. Юные падчерица и мачеха, имея год с небольшим разницу в возрасте, мирно терпели друг друга, осознавая, что их общее проживание в темно-красном доме скоро закончится. Идер с началом зимы появлялся всё реже и реже, исполняя таинственные поручения своего отца. Диана Монаро холодно вела себя с Маргаритой, однако никак не пыталась ей вредить. Ортлиб Совиннак уверил жену, что эта гордая санделианка более ему не любовница, но с Дианой он многое пережил, доверяет ей и желает, чтобы она оставалась рядом, чтобы занималась хозяйством в доме и воспитывала его дочь. Постепенно Маргарита привыкла и к ее обществу, вот только девушка догадывалась, что Диана терпеливо ждет, когда она оступится – и Ортлиб Совиннак охладет к новой жене, а затем вернется в объятия своей верной сероглазой подруги.

Все «драгие камения» красного цвета в Меридае звали лалами, синие – сапфирами, голубые – аквамаринами, желтые – хризолитами, коричневатые – топазами, черные – морионами, зеленые – изумрудами, радужные – опалами. Речной жемчуг именовали «перл». Купцы делили камения на четыре цены, как на четыре сорта. Более всего ценились рубины – «прочные лалы»; красный рубин стоил вдвое дороже розового, розовый – вдвое дороже мясного, мясной – вдвое дороже жидкого (бледного или мутного). Очевидно, что за рубины в этом случае принимали и шпинель, и гранаты, и турмалин, и даже аметист. Отдельно стоял мистический карбункул – он не только завораживал глаз ярко-красным сиянием, но и менял цвет на солнце – точно вспыхивал уголек, что явно доказывало: этот камень живое существо. Далее, по шкале ценности шли сапфиры: чем синее – тем лучше, чем серее – тем хуже. Сапфиром нередко величали лазурит или аметист. В изумрудах ценили равномерность окраса, прозрачность и размер. Чистый, большой и красивый изумруд, мог стоить дороже, чем карбункул. Хризолит – это «золотой камень, золотисто-желтый; топаз – «теплый камень», «аквамарин» – «морской камень», морион – «камень тьмы», опал – «благородный камень», горный хрусталь – «ледяной камень», янтарь – «солнечный камень». Сочные цвета были в моде, оттого за яркие камни и просили высокую цену. Из бледных и непрозрачных самоцветов делали талисманы. Среди алмазов наиболее ценилась форма острого октаэдра, диаманта. Аметисты считались окаменевшими фиалками – значит, они годились для девичьих украшений. Еще, по поверьям, аметисты отгоняли бесов – из аметиста делали кубки, дабы не опьянеть сверх меры, печати, пуговицы, обложки для Святой Книги; синими бриллиантами из аметистов расшивали мантии священников («бриллиант» – это «сверкающий камень», то есть не кабошон, а ограненный самоцвет). Янтарь, привозимый с севера, еще лишь входил в моду. Особенно модникам и модницам нравились бусины из янтаря.

Астрология учила, что на Гео существовало восемь миров – мир плоти, мир огня, мир воздуха, мир вод, мир металлов, мир трав, мир камней и мир Бога. Камни могли излечивать, привлекать удачу, однако, и насыщать беды тоже. Юные дамы, уже вышедшие замуж, стремились приобрести амулет из опала – многоцветный камень помогал сохранить красоту и девичью свежесть. А Маргарита неожиданно купила кулон из мориона, хотя опалы, как никакие другие самоцветы, благоприятствовали ей. Морионов же опасались – камень тьмы считался лучшим любовным амулетом, но, кто знает, какое еще заклинание могли в него засунуть колдуны. Морион, что принес Маргарите дядя, более чем двадцать лет назад нашел в Безымянном проезде, прямо на дороге, их сосед-корзинщик. Некоторое время корзинщик хранил морион, ожидая, что красивый, гладко полированный черно-черный кабошон будут искать, а затем продал его пуговичнику за двести регнов. Пуговичник сделал из камня кулон, заключив его в тонкую золотую оправу, добавил золоченый шнурок, и подарил дочери на свадьбу. Теперь же, в непростые времена, семья решила продать семейное сокровище – и просили они всего-то два золотых альдриана, даже соглашались на торг. Что ж, украшение Маргарите приглянулось, два альдриана у нее имелись для мелких расходов, а бедствий камень не принес своим хозяевам, впрочем как и удачи.

Пятого дня Любви, за сорок один день до Возрождения и начала нового года, дядюшке Жолю исполнилось сорок три. Уже на втором году сорокового цикла лет, двадцать четвертого дня Веры, во второй день Юпитералия, Нинно отметил бы свой двадцать пятый день рождения, но чествовать живых в празднество мертвых запрещалось, и кузнецу приходилось жить без подарков или поздравлений. В его день рождения он и Беати поехали на кладбище за город, к могилам родителей. Тетка Клементина с дядюшкой Жолем и Филиппом отправились туда же. Ортлиб Совиннак и Енриити, посетив погост у храма Пресвятой Меридианской Праматери, оставили угощение на могиле первой супруги градоначальника. Маргарита вынесла горшочки с едой к Западной дороге, как поступали те, кто не имел возможности прийти к захоронениям родных. Всё, что оставалось после пиршества накануне, в первый день Юпитералия, надлежало раздать – такие угощения вдоль дорог, хоть они и ставились для утешения грешных душ, мог взять, кто хотел. Маргарита всегда любила из-за подобных гостинцев именно это мрачное празднество, а не веселый Сатурналий. Раньше она и ее братья с удовольствием искали «сокровище», добыв таковое, наконец наедались и потом еще год ждали чудесные два дня в середине восьмиды Веры.

Сразу после Юпитералия, двадцать пятого дня Веры, Альдриану Лиисемскому исполнилось тридцать шесть лет – он достигал возраста Возрождения, заканчивал свой первый цикл жизни, и по такому важному поводу в белокаменном замке намечалось грандиозное торжество. Герцог Лиисемский желал видеть градоначальника с его новой супругой, о красоте которой много слышал, поэтому еще в самом начале второго года в Малиновой гостиной появился знаменитый сундук Гиора Себесро вместе с самим черноволосым суконщиком. А случилось это в пятый день Веры, что совпал с Патроналием – негласным празднеством отцов и покровителей. Гиор привез лучшие наряды из своей суконной палаты, но градоначальнику не угодил.

– Дурость одна! – злился Ортлиб Совиннак, отбрасывая женские платья, одно за другим, на широкую, с высокой резной спинкой, скамью. – Я же говорил: «Чтобы было как при Альбальде Бесстрашном, но модно!» Ну чего сложного-то?!

Гиор Себесро остался непроницаем. Портниха, прибывшая с ним, испуганно сделала шаг назад и спряталась за спину суконщика. Градоначальник, видя, что его не понимают, сдвинул току на макушку и стал громко объяснять, переходя на крик, чем только усиливал страх и робость портнихи:

– Сделай ее другой! Проклятье, как бы это объяснить... Глянь на нее!

Гиор Себесро окинул Маргариту внимательным взглядом. Она же хлопала глазами, ничего не понимая, и тоже попыталась себя осмотреть: красное платье из шелка и шерсти соблазнительно очерчивало ее фигуру, двурогий белый колпак на голове выглядел достойно супруги градоначальника, да еще и во лбу поблескивал изящный кулон с морионом, – до того, как спуститься вниз, Маргарита казалась себе привлекательной, а теперь слова мужа ее обескуражили.

– Ну, посмотрел? – спрашивал тем временем градоначальник Гиора. – Понял? Ааа, – махнул он рукой. – Тебе это объяснять тщетно... Так, одурни ее! – вновь поразил всех присутствующих Ортлиб Совиннак. – Еще сделай так, чтобы всем было ясно, что она благочестива и даже скучна, – выдохнул он. – Не так, как сейчас. Точно без шелка! Что-то потяжелее и побесформеннее! Любимая, – поцеловал он руку ошеломленной жены. – Я пошел работать. Ты заканчивай с нарядами одна.

Когда градоначальник вышел, Гиор, потирая подбородок, с задумчивым видом обошел Маргариту – и при этом он так пристально вглядывался в ее тело под платьем, что она отпрыгнула от него.

– Господин Себесро! – возмутилась девушка. – Нельзя так непристойно смотреть!

Гиор улыбнулся одной стороной рта.

– Ваш супруг, госпожа Совиннак, хочет, чтобы на вас не смотрели другие: те, кто сильнее и могущественнее его. Мне, безвластному, можно... Можно смотреть и завидовать, – равнодушно добавил Гиор. – Позвольте уж мне угодить желанию вашего супруга, желанию оградить вас и уберечь. Это даже... занятно.

Он достал из сундука толстый материал в крупном и выпуклом ромбовидном рисунке.

– Подойдите, госпожа Совиннак, и повернитесь, пожалуйста, ко мне спиной. Не беспокойтесь, суженна, я едва до вас дотронусь.

Маргарита, напоминая себе, что у Гиора грех мужеложства, вернулась к суконщику. Он подозвал портниху, и они вдвоем обмотали Маргариту тяжелой тканью. После Гиор заколол несколько складок и отошел в сторону.

– Да! – лаконично изрек он.

Затем он и портниха стали собираться, а Маргарита осталась, чтобы их проводить.

– Это сукно мы обычно используем для рукавов, – говорил Гиор, бережно перекладывая наряды со скамьи в свой сундук. – В тех местах, где жесткость не повредит. Это сукно подойдет...

Наблюдая за ним, поглядывая на его бесстрастное лошадиное лицо, Маргарита снова ощущала неясную тревогу.

«Он мне не нравится, – думала она, трогая свои пытающие щеки. – И не потому, что он заставил дядюшку избавиться от меня. В конце концов, не сделай он так, я с Ортлибом никогда не встретилась бы... Не понимаю, отчего я так взволновалась, пока он находился близко от меня и почти что трогал? Я даже могла бы допустить, что чувствую к нему что-то, но... ничего хорошего я не ощущаю. Разве что страх...»

Она вспомнила его дыхание на своем затылке, вздрогнула как от холода – и мурашки скатились вниз по позвоночнику. Но тут в гостиную, где стены были задрапированы малинового цвета шпалерами и шелками, заглянула Енриити и отвлекла Маргариту.

– Приветствую вас, господин Себесро, – сладким голосом пропела юная девушка. – И я бы желала подобрать платье для первого бала...

– Я рад угождать вам, – ответил Гиор, склоняя голову. – У меня с собой, как всегда, есть карточки с новшествами. Будьте любезны, молодая госпожа Совиннак. Возможно, вам что-то приглянется.

Портниха продолжила складывать одежду в сундук, а Гиор и Енриити, присев у игрового столика, стали рассматривать картинки с девушками в ярких нарядах. Лицо Гиора застыло

в маске учтивости. Энриити, напротив, стреляла оленьими глазами, томно опускала длинные ресницы и даже дотрагивалась до руки Гиора, что, если бы это увидел ее отец, грозило ей забываемым скандалом и, возможно, монастырским воспитанием до венчания. О грехе мужеложства Гиора Энриити не слышала и не подозревала.

Уже совсем скоро, девятнадцатого дня Смирения, Энриити исполнялось четырнадцать, и она готовилась к своему первому выходу в свет, к посещениям торжеств и балов. Она знала, что не пройдет года, как отец выдаст ее за какого-нибудь сына судьи, например, из Бренноданны, и девушка едва могла дождаться своего замужества, после которого она бы стала хозяйкой большого дома, заведовала деньгами для хозяйства, получила прислугу, а также лошадей с роскошной повозкой или даже носилки для выходов. Вот только ей хотелось чего-то необычного. Со своими подружками Энриити читала романы о рыцарях, турнирах и неравных, но счастливых супружествах, когда холостой аристократ, такой как красавец-барон Арлот Иберннак, женится на незнатной дочке градоначальника. С владельцем суконной палаты, к счастью для ее отца, венчания Энриити не мыслила, но не отказалась бы выслушать заверения в вечной любви да разбить сильному мужчине с грубым лицом сердце, о чем она потом похвасталась бы подругам.

Маргарита решила, что ее падчерица проводит суконщика, и со громоздким часословом в руках покинула Малиновую гостиную, оставив там Энриити с Гиором и портнихой. Кабинет Ортлиба Совиннака находился неподалеку, и она постучалась туда.

– Кто там еще?! – донесся раздраженный рык градоначальника.

– Я... – робко приоткрыла дверь Маргарита. – Я соскучилась...

Ее супруг откинулся на высокую спинку своего стула и заулыбался.

– Что с нарядом, моя красавица?

Маргарита, пожимая плечами, подошла к нему.

– Гиор Себесро сказал, что ты не хочешь, чтобы на меня смотрели те, кто могущественнее тебя, – сказала она, думая, что муж позабавится.

– Да, он всё понял верно, – устало ответил грузный градоначальник.

– Я могу вовсе не посещать замок. Скажешь, что я нездорова.

Она положила большой часослов на письменный стол и сама присела туда же, около мужа, а Ортлиб Совиннак провел ручищей по бедру девушки и оставил на ее коленке ладонь.

– Прятать тебя всю жизнь у меня не получится, – вздыхая, сказал он. – А жаль... Пусть увидят и потеряют интерес... Ты лучше поднимись к себе, – помолчав, добавил он. – Тебе не стоит тут бывать. Сюда являются разные люди, которых лучше не знать и не видеть. И дел у меня много. Я не приду сегодня ночью, так что выспись.

– Ооортлиб, – обиженно простонала Маргарита. – Сегодня же Патроналий! Ты даже такое важное семейное празднество пропустишь? Я думала: мы проведем вечер вместе, понежимся в купели, а потом... Так у нас никогда не будет детей! Даже Залия сразу понесла, а я еще нет! Хочу малыша!

– Ты сама еще малышка...

Он подтянул ее к себе на колени, стал целовать ее губы и шею, отчего она в наслаждении закрыла глаза. Большие руки Ортлиба Совиннака смахнули белый убор с головы жены и ее головную повязку, освободив водопад золотистых волос, умело расстегнули платье на спине девушки и спустили его с ее плеч. Обнажив Маргарите грудь, он припал к ней поцелуями, сминая эти мягкие округлости и тяжело дыша. Его черная тока тоже упала на пол к белому колпаку, сам он положил красавицу на письменный стол, встал между ее раздвинутых, оголенных ног и сильнее задрал подол ее платья.

– Детей хочешь? – жарко прошептал он, начиная расстегивать свой гульфик. – Может, сейчас выйдет...

В удовольствии от ласк Маргарита закрыла глаза и не увидела, как тканая шпалера в углу зашевелилась – через потайную дверь в кабинет ввалился мокрый и уставший Идер Монаро.

Ортлиб Совиннак быстро прижал к себе жену, опуская ее юбку и пытаясь собой закрыть ее простоволосую голову.

– Что за... Идер! – рявкнул он сыну. – Чё встал?! Пошел вон!

Идер молча отогнул шпалеру и скрылся за ней, а Ортлиб Совиннак начал натягивать на плечи жены платье.

– Говорил же тебе, что не стоит здесь бывать! – раздраженно говорил он Маргарите.

– Прости, – виновато прошептала Маргарита, поправляя одежду. – Я не хотела, чтобы так вышло...

– Да, не хотела... – проворчал он.

– Прости, – еще раз повторила она.

Девушка подняла оба головных убора и положила их у часослова на стол, после начала крутить волосы в жгут и натягивать на них повязку.

– Давай помогу, – подошел Ортлиб Совиннак к жене.

Ничего не говоря и краснея, Маргарита надела двурогий колпак, пока он держал ее волосы. Потом Ортлиб Совиннак с нежностью поцеловал девушку в пушок волос на затылке и, поглощая ее своими плечами, обнял со спины.

– Не надо было и мне сходить с ума, – уже спокойно сказал он. – Не зря для этих дел есть спальня. Поднимайся сейчас наверх и займись рукоделием. Я буду очень занят – не отвлекай меня. Идер спешил – значит, есть срочные вести из Нонанданна.

Маргарита в волнении повернула голову к мужу.

– Не бойся, – размыкая объятия, произнес Ортлиб Совиннак. – Каких бы новостей ты не услышала – не тревожься. Если я сказал, что смогу защитить Элладанн, то смогу. А тебя я буду защищать в первую очередь, – легко поцеловал он жену в губы и поправил черный морион у нее во лбу. – Уходи теперь, прошу, любимая...

Маргарита взяла свой часослов со стола. Тоскливо думая о ненавистном вышивальном столе, смущенно вспоминая такое несвоевременное появление Идера и расстраиваясь тому, что проведет ночь Патроналия в одиночестве (будто и не замужем вовсе!), она поспешила удалиться из кабинета. Ей оставалось утешаться тем, что во втором году сорокового цикла лет Патроналий, отмечаемый в первый день месяца Юпитера, выпадал дважды: следующее празднество отцов и покровителей обещало быть где-то в конце восьмиды Любви – и уж тогда-то супруг наверняка не покинет ее.

У лестницы, в передней зале, она увидела Гиора Себесро, выволакивавшего свой громадный сундук.

«В таком ларе можно с легкостью спрятать человека, – почему-то подумала Маргарита. – Даже Ортлиб туда поместится и еще место останется. Надо проверить, не украл ли он Енри-ити... Что за чепуха!» – тут же отругала она себя.

Прощаясь, Гиор поклонился и пообещал, что новое платье удовлетворит изысканный вкус градоначальника и его супруги.

Новое платье выглядело вполне изысканным до тех пор, пока его не примерила Маргарита. Тяжелая, бело-багряная юбка в ромбах и жестких складках похоронила ее внутри своего футляра. Талии у наряда не имелось – оно расширялось сразу от подмышек, и Маргарита казалась в нем то ли затяжелевшей, то ли просто толстой. Объемные рукава, глухой воротник и нижнее платье из стоящего колом сукна доделали работу юбки: теперь оставалось лишь гадать об истинных размерах жены градоначальника, госпожи Маргариты Совиннак. И одновременно это одеяние выглядело очень богато из-за шитья серебряными нитями и больших кусков парчи.

Двадцать пятого дня Веры Маргариту облачили в это тяжелое, неудобное платье и убрали ее золотистые волосы под частую сетку из серебряных нитей и речных жемчужин.

– Всё равно ты слишком красива, – вздохнул Ортлиб Совиннак, увидав жену готовой к своему первому выходу в свет. – Тебя испортить невозможно, как ни старайся.

Он не пытался льстить. За две восьмидесятилетия беззаботной жизни в темно-красном доме, где ее баловали и нежили, Маргарита превратилась в холеную красавицу: волосы еще ярче разгорелись золотом, кожа благородно побелела, а губы будто впитали цвет роз. И, конечно, ее глаза цвета Русалочьей бухты искрились от счастья – каждому хотелось взять себе немного звезд из этих зеленых зеркал.

– Чего ты так опасаться? – спросила Маргарита мужа. – Это ревность или что-то большее?

Ортлиб Совиннак задумался, помолчал, но вскоре улыбнулся и пожал плечами.

– Я страшный ревнивец, – ответил он. – Я не обманываю. Такая уж у меня сердцевина, и мне меняться поздно. Что бы в моем прошлом не случилось, это не отменяет моей ревности.

– Ортлиб! – начала переживать Маргарита. – Я никуда не пойду, и всё! Я нисколько не огорчусь. Ну и что, что замок... Я в кухне работала, а кухня – в замке. Значит, я в замке уже была! Павлина даже видела...

Ортлиб Совиннак мотнул головой, опустил ладонь на кисть ее руки и повел жену к передней.

– Там все дамы будут в столь открытых нарядах... – говорил он по пути. – Сама увидишь... Кажется, что если эти дамы подпрыгнут, то одежды останутся у их ног. Всё на виду: и плечи, и остальное едва прикрыто... На чем держится, один бог знает. Ну, или Гиор Себесро, – улыбнулся градоначальник. – Он, пожалуй, знает, что там за ухищрения. В голову вплетают чужие волосы, и не думают их прикрывать, замужем или нет... Краской мажут лица. Мнят, что вечером да при свечах, никто не видит. Кто на что горазд будет. Ты там затеряешься... Не самое приятное для юной красавицы, но... Так будет правильнее.

– Конечно, – поспешила согласиться Маргарита. – Я тоже так думаю.

– Ты, главное, води себя так, как я учил, – напутствовал ее муж. – Не танцуй ни с кем и поменьше говори. На вопросы отвечай «да» или «нет». Своего мнения не высказывай. Держись подле меня. А когда меня не будет рядом – тихо сиди за столом. В тени, словом сказать, побудь один вечер. О большем я не прошу.

К двадцать пятому дню Веры снег так и не выпал, хотя календарный срок зимы близился к завершению. Ветер бросался в лицо, гнал по мостовым сухую листву и завывал, попадая в переулки. Маргарита сильнее закуталась в плащ с лисьим подбоем и глубже спрятала голову в капюшон. Вместе с тремя другими служниками Идер Монаро сопровождал отца и его молодую жену. С того досадного происшествия, когда Идер неожиданно появился в кабинете, прошло уже двадцать дней, но Маргарита еще чувствовала неловкость, если встречалась взглядом с этим благообразным, молодым мужчиной и немного краснела, представляя, какой он тогда ее увидел. Идер, в свою очередь, равнодушно скользил по жене отца холодными карими глазами, будто напрочь всё позабыл и никогда не вспоминал.

Привычной дорогой всадники доехали по улице Благочестия до холма и поднялись до Первых ворот. После Маргарита впервые последовала по дороге из розового песчаника вверх – к парадным Северным воротам замка. Вдоль этого пути торчали туевые пирамидки, а между ними, словно сонные черепахи, улеглись самшитовые полушария. Лиственные деревья сплели ветки, зловеще шуршавшие пожухлой листвой; встали в строй шеренгами по обе стороны дороги, будто приготовились набросить древесную сеть и изловить тех, кого им прикажут.

«Если бы еще чуть-чуть похолодало, – думала Маргарита, забавляясь тем, что она выдыхает белесый пар в морозный воздух. – Деревья покрылись бы инеем и стали бы белоснежными, как кружево в сером небе: перестали бы пугать, а пирамидки и шары одели бы нарядные, пуши-

стые шапочки из снежного горноста, и... порадовали бы герцога Альдриана Лиисемского и его гостей, то есть нас...»

После парадных Северных ворот начиналась мощенная белым и розовым песчаником площадь. Слева возвышался храм Пресвятой Меридианской Праматери, похожий массивностью стен на храм Благодарения, а шпилями у синих пирамид на храм Возрождения. За ним, дальше по дороге, спрятался за парком домик управителя замка. Огю Шотно каждый день юпитера бывал в темно-красном доме градоначальника: он передавал от супруги приветствия, но в гости Маргариту не звал, объясняя это тем, что Марлена не сняла траур, никого не навещает и еще не пришла в себя до конца. Маргарита очень надеялась встретиться хоть на этот раз с бывшей сестрой, так как ожидалось, что Марлена и Огю будут сидеть рядом с ними за столом.

Направо от Северных ворот, огибая парк, дорога устремлялась к царству избранных. Парк с этой стороны открывал взору тисовые лабиринты, ровные рощицы на плоском газоне, вечнозеленые шпалеры, арки, башенки. С площади перед самым замком, за деревьями, виднелась крыша белого павильона. Там, по словам тех, кого удостоили чести прогулок в парке, находился Лимонарий – огороженный уголок «райского сада», где росли лимонные, апельсиновые и гранатовые деревья, где среди роз и лилий прохаживались павлины, где придворные музицировали, сидя на травке, или полулежали в устланных коврами нишах-раковинах, любуясь кувшинками на глади пруда или слушая умиротворяющий шепот водопада над гротом.

«Интересно, как там лебеди? – размышляла девушка. – Им ведь холодно сейчас плавать. Что они делают? Сидят в своем домике у пруда или всё же ныряют шеями в промозглую глубину».

Лебедей она видела лишь в детстве, в Бренноданне. Это были дикие вольные птицы, которые зимой перемещались в места потеплее, чем север Орензы, но весной возвращались на Лани.

В Лиисеме жаловали соколов. Две такие мраморных птицы, приподняв крылья, зорко следили с отполированных шаров у ступеней лестницы за теми, кто пришел к их белокаменному замку с голубыми крышами. За вестибюлем обнаружилась шумная, заполненная прислугой, полукруглая передняя с тремя проемами. Там Ортлиб Совиннак и Маргарита сняли плащи и отдали их Идеру. Другие услужники еще раньше их покинули, когда повели лошадей в конюшню. Маргарита думала, что Идер тоже приглашен на торжество, но он сел у стены на выступ и подушку на нем: Ортлиб Совиннак взял в замок сына только затем, чтобы тот хранил их дорогие меховые плащи. Маргарите стало жалко Идера – сидеть несколько часов без занятия, тогда как его отец будет пиршествовать среди аристократов! Но Идер Монаро не выглядел обиженным. Он вел себя так, словно это было в порядке вещей.

Супруг повел Маргариту в центральный проем, и они попали в полутемную галерею с колоннами. Там со стен таращились две фаланги оленьих голов, угрожающе поблескивало всевозможное оружие, пестрели боевые щиты вождей Лиисема и их желто-красные знамена. Неожиданно из-за колонн появился мужчина лет пятидесяти в слишком длинном, волочившемся по полу кафтане и в замысловатом красном тюрбане. Обилие драгоценностей сразу давало понять, что он чрезвычайно знатен и богат: его пальцы усыпали перстни, на тюрбане горели три броши, широкая цепь сияла золотом на поясе, а еще одна цепь, с круглой бляхой и большим глазом рубина, вальяжно тянулась по впалой груди этого аристократа. Невысокий мужчина слегка сутулился, но двигался плавно – он словно плыл на подоле своего одеяния.

– Градоначальник! Ты-то мне и нужен! – воскликнул аристократ на меридианском. Он приближался к Ортлибу Совиннаку один. Его ухоженный как девушка спутник, кудрявый молодой брюнет с крупной родинкой на щеке, выпячивая бедро и скрешивая голени, прислонился боком к колонне.

– Мое глубочайшее почтение, Ваше Сиятельство, – поклонился градоначальник, – позвольте представить мою супругу, госпожу Маргариту Совиннак.

Маргарита отвела левую ногу назад, низко присела, согнув другую ногу, и склонила голову, как ее учили преподаватели Культуры. Граф выбросил перед собой руку в перстнях и через очки на палочке внимательно осмотрел девушку.

«Прилично ли так смотреть? – думала в это время Маргарита. – Словно я какая-то мелочь... И это супруг графини Онары Помононт, первой красавицы Элладанна, которая едва не разорила мою семью».

Ортлиб Совиннак много рассказывал ей о канцлере Лиисема, графе Шанорбоне Помононте. Он описывал его как человека незаурядного ума и хитрости, но напрочь лишенного нравственности. Когда-то граф занимал должность гардеробника юного Альдриана и отвечал за платье наследника. Два щеголя сблизились, сдружились, а после смерти Альбальда Бесстрашного Альдриан Красивый сразу сделал графа Помононта канцлером Лиисема – предаваясь более веселым занятиям, доверил ему управление герцогством. Вообще-то, должность канцлера мог занимать только мирянин, неважно аристократ или нет, поэтому в иерархии придворных чинов она стояла ниже высших воинских должностей. Зато на деле канцлер, занимаясь бумажной работой и издавая указы от имени правителя, становился столь же влиятельной фигурой, как сам владыка. Обычно в королевстве канцлер был один – при дворе короля, хранитель Большой печати. После победы Альбальда Бесстрашного, Лиисем получил право на независимость во многих вопросах – стал практически княжеством, – значит, для переговоров с послами, понадобился канцлер.

Поведал супруг Маргарите и про секрет канцлера, о котором знали все приближенные ко двору герцога Альдриана: если Гиора Себесро лишь подозревали в грехе мужеложства, то в подобных пристрастиях графа Шанорона Помононта сомневаться не приходилось – он окружил себя свитой из молодых, женственных юношей, вихлявших бедрами и подкрашивавших лица. Свой крест склонностей граф скрывал, но Ортлиб Совиннак был уверен, что там имелось и Тщеславие, и Любодеяние (так он тонко шутил о том, что у графа не четыре возможных Порока, а все восемь).

– Премиленькая... Дорогуша, ты премиленькая... – изрек канцлер, убрал очки и улыбнулся Маргарите – она решила, что это добрый знак. – Мой номенклатор, господин Диорбн Гокннак.

Должность номенклатора означала секретаря, подсказывающего своему патрону имена встреченных людей, их положение и деятельность. Юноша с родинкой на щеке подошел, показывая бедрами, и поклонился. Короткий камзол и штаны плотно облегли молодое тело Диорона, очерчивая его тонкие ноги; контрастный гультфик вызывающе выпирал, что заставляло Маргариту в неловкости отводить глаза. После приветствий граф махнул своему секретарю отойти, и тот вернулся к колоннам.

– Начинай новый набор пехотинцев, Совиннак, – нецеремонно заговорил граф Помононт на меридианском. – За ночь размножьте ордер, а к рассвету подготовь посыльных в другие земли. Я сам заеду в ратушу и заверю грамоты.

– Наш город останется без защитников, Ваше Сиятельство, – пытался возражать градоначальник (по тому, как напряглась рука мужа на ее собственной руке, Маргарита поняла, что он кипит от затаенного гнева). – Я напоминаю, что зима не ослабляет ни лодэтчан, ни ладик-эйцев: для них наша зима, что пару раз чихнуть. А наши воины, напротив, недомогают. Большинство из них помрет не от пуль, стрел или мечей врага, а от хворей! Не знаю, не разбежится ли войско в пору снега...

– Ты рыцарь? – раздраженно перебил его канцлер. – Войско – твоя забота? Забудь о своем безумном плане – ты не разбираешься в военной науке!

– Да, я не разбираюсь в военной науке, Ваше Сиятельство, – старался спокойно отвечать градоначальник. – Но я хорошо разбираюсь в нуждах людей, собранных в одном месте. Еще я вижу, что враг бережет силы, а нас нарочно изматывает. Если мы поспешим, то можем проиг-

рать. А для чего Лодэтский Дьявол бережет свое громовое оружие? Не нашего ли подкрепления он ждет? Разбить нас на местности, которую он отлично изучил за полгода? Больные и сломленные самовольщики в Элладанне – это последнее, что нам нужно! Слухи будут страшнее, чем правда. Нонанданн обречен! Удивительно, что он еще не взят. Но если допустить, что...

– Совиннак! – резко прервал градоначальника граф Помононт. – Умолкни, наконец! И исполняй приказ герцога! Лодэтский Дьявол не крушит Нонанданн своим громовым оружием, потому что у него его нет и не было в помине! Уже ясно, что всё это небылицы! Громовые бочонки – шутиха, обман: много свисту, и ничего более! Не смей лезть за моей спиной к герцогу или к Тернтивонту, – я всё знаю! Не бывать твоему плану!

Совиннак и граф Помононт общались на меридианском. Желто-красные прислужники у дальних дверей не разумели ни слова. Маргарита, хотя понимала речи, неясно разбирала их суть, и всё же она хорошо осознала, что Нонанданн обречен. Она разглядывала канцлера, и так как ей очень хотелось, чтобы ее супруг на этот раз ошибался, а доводы несимпатичного графа Помононта оказались верными, то пыталась сложить располагающий образ, однако ей не удавалось: чем больше мелочей подмечала Маргарита, тем меньше ей нравился этот аристократ.

Канцлеру Лиисема исполнилось сорок девять лет. Тяжелые двойные мешки набежали под его глазами, щеки обвисли; вдоль и поперек лба намечались морщины. Вместе с тем он трепетно ухаживал за своей внешностью – на смоляных висках не серебрилась проседь, нежные щеки будто бы никогда не знали бритвы, острые ногти поблескивали слюдой. Крупные, выпуклые веки прикрывали его нервные темные глаза; закрученные вверх ресницы, длинные как у девушки, давали пушистую тень; аккуратные брови изгибались идеальными дугами. Из-за персикового пушка на щеках, короткого носа и круглого подбородка, его лицо хотелось назвать детским. Он имел родство с множеством знатных семейств Меридеи – и это изумляло сильнее всего. Графу Шанорону Помононту будто досталось всё самое немужественное от благородных предков-воителей.

– Я вас понял, Ваше Сиятельство, – ответил канцлеру Ортлиб Совиннак. – Будет новый набор пехотинцев, как желает Его Светлость.

– Немедля займись, – потребовал граф. – Отправляйся в ратушу, не дожидаясь конца празднования. И надо опять поднять сборы, наполнить казну – вот твоя главная задача. И только скажи еще раз, что горожане взбунтуются! Плевать! Раз будет бунт – то ты плохой градоначальник! Доступненько?

– Да, Ваше Сиятельство, – поклонился Совиннак, а за ним и Маргарита, запутавшись ногой в своем платье, неловко присела. Граф повеселел, заметив ее неуклюжесть, и снова посмотрел на девушку через очки:

– Упивайся празднеством, дорогуша, – небрежно бросил он. – Как бы не в последний раз... Такого дурновкусия, что на тебе, я еще не видывал!

– От всей души благодарю за любезность, Ваше Сиятельство, – неосознанно повторила взволнованная Маргарита то, чему ее учили преподаватели Культуры.

Махнув своему помощнику идти следом за ним, граф пошел вдоль колонн направо, а градоначальник и Маргарита направились налево, к двери, за которой играла музыка. Ортлиб Совиннак хмурился и молчал. Девушка тоже молчала, хотя очень хотела расспросить его о Нонанданне, но не решалась – муж стискивал ее пальцы, и она без слов понимала, что сейчас с ним лучше вовсе не говорить.

Прислужники раскрыли перед ними двери в парадную залу. В глаза сразу бросилось желто-красное, крытое коврами и шелками сооружение, растянувшееся на подиуме вдоль дальней стены и похожее на шатер о пяти куполах. Внутри, под сенью драпировок, находился стол для почетных гостей герцога Альдриана; впереди стола были ступени и дорожка для столовых прислужников. К высоким спинкам стульев крепились полотна с малыми гербами знатных господ, расшитые бисером и самоцветами. У герцога Альдриана такой герб повторял герб Лиис-

сема, только без каймы из букв, места диагональных полос заняли гербы родителей – вверху сокол Альбальда Бесстрашного, внизу – рисунок от матери из рода Баро – на белом фоне желтые львы, вставшие с копьем на задние лапы, в центре герба – сокол с эмблемой самого герцога Альдриана. У Терезы Лодварской, как у женщины, малый герб был ромбовидным; левую для зрителя половину занимал родовой рисунок мужа – красные соколы на желтом, правую – рисунок ее рода – грозди черного винограда на белом фоне.

Два других длинных стола стояли у окон, и только у одного, предназначенного для незнатных гостей, стулья заменили табуреты, и находились они по обе стороны стола. Со стены, противоположной окнам, замерев между двумя каминами, сурово смотрела на подданных из полукруглой ниши черная статуя Альбальда Бесстрашного: покойный герцог-отец, закованный в рыцарские доспехи, опирался двумя руками на меч, подражая основателю Лиисема, Олфобору Железному. Также залу украшали мраморные панели, кружева золоченых подвесных подсвечников и яркая роспись по штукатурке. На потолке парили четыре прелестные девы, аллегии стихий; собравшиеся у круглой, многоярусной люстры, какую называли «поликанделон» – триста толстых свечей горели на этом солнце, отражаясь бликами в горном хрустале. До этого Маргарита видела подобную роскошь лишь в самых богатых храмах. Центр великой залы предназначался для танцев – в ожидании начала застолья, именно здесь толпился народ.

Градоначальник повел жену среди разряженных аристократов. На празднество к герцогу съехалось множество знатных гостей: кто-то желал устроить выгодные супружества наследникам, кто-то ввести их в окружение герцога, третьи сами желали бы должность при дворе, а четвертые прибыли просто так – развлечься, истратив годовой доход на подарки и заложив земли ради достойного убранства.

Маргарита убедилась, что ее супруг описал здешних дам верно: и юные девушки, и почтенные матроны без стеснения открывали спины и плечи. Узорные по краям рукава, как обломанные крылья ангелов, волочились за мужчинами и женщинами по полу. Верхние платья у дам приподнимались сзади, увеличивая складками объем ниже спины, а спереди смелые вырезы показывали глубокую ложбинку промеж двух соблазнительных округлостей. Молодые мужчины носили чересчур широкоплечие камзолы, но гордились тонкими ногами, что переходили в острые и длинные концы башмаков. Все щеголи покрыли голову высокими шляпами или тюрбанами, а женщины выпустили на свободу волны локонов неопикуемой красоты. Если бы муж не сказал Маргарите, что волосы у этих красавиц накладные, она всю жизнь после этого бала считала бы себя дурнушкой. И все вокруг были в мехах, в драгоценностях несметного достоинства, в порхающих перьях... Маргарита узнала синеглазую чаровницу, графиню Онару Помононт. Молодой женщине уже исполнилось двадцать, и она стала еще краше. Ее пышные каштановые кудри спускались каскадом по оголенной спине, а у кукольного лица графини густо сплелись жемчужные нити и сапфиры под цвет глаз. Барон Арлот Иберннак, холостой красавец, опять развлекал эту особу. Он быстро глянул на платье жены градоначальника, расплылся в улыбке и что-то сказал своим друзьям, после чего вся компания рассмеялась. Одной из смеявшихся была миловидная Озёлла Тернтивонт, семнадцатилетняя супруга полководца Лиисема. Когда она заливалась смехом, то напоминала Маргарите наглую столовую прислужницу Марили.

Огю Шотно одиноко стоял у камина, делая вид, что согревает руки. Обычно важный и манерный, среди знати он так терялся, что выглядел немного смешным и даже жалким. Увидав Ортлиба Совиннака, управитель замка искренне ему обрадовался.

– Нет, Марлены сегодня не будет, – ответил Огю на вопрос о жене. – Просила передать свои самые теплые приветствия. Она же до празднования Перерождения Воздуха желает предаваться скорби, оплакивая сгинувший род отца. Его Светлость с пониманием отнесся к ее дочернему долгу. И я пришел ненадолго – когда начнутся танцы, думаю улизнуть.

Маргарита поникла: без подруги и ее поддержки это празднование показалось тоскливым. Еще год назад она мечтала хоть глазком взглянуть на пышные торжества в замке герцога – злополучная доля ей не изменяла: желание исполнилось и превзошло чаяния, да всё обернулось так, что она оказалась самой дурно одетой и, значит, самой некрасивой дамой на балу. Отовсюду Маргарита замечала надменно-презрительные лица аристократов. Ее уродливое платье, пошлово-розовое расцвеченное ромбами, настойчиво притягивало их насмешливые взгляды.

– Мы тоже ненадолго, – обрадовал жену Ортлиб Совиннак. – Много дел, много важных дел!

Вскоре, предвосхищая появление герцога Альдриана, заиграла торжественная музыка. Люди, расступившись, образовали проход. Градоначальник Совиннак и его жена встали в середине левой «колонны»; аристократы приветствовали герцога у пятикупольного шатра.

Затрубили флейты – точно так же как на торжествах в честь герцогини Юоны. В широко распахнутые двери с галереи зашел правитель Лиисема с супругой, Терезой Лодварской. Граф Помононт в сопровождении своего женственного номенклатора, следуя за ними, нес трость с большой герцогской печатью на набалдашнике – ей заверялись грамоты и приказы правителя Лиисема. Диорон Гокннак хранил очки своего патрона.

Приветствуя Альдриана Красивого, мужчины из третьего сословия сняли шляпы, другие гости чуть склонились; при его приближении все припадали на одно колено: чем ниже был их статус, тем сильнее люди приседали. Герцог Альдриан не спешил к своему столу – он останавливался около хорошеньких женщин в открытых платьях и обменивался с ними парой фраз. Его супруга скучала рядом. Герцог Альдриан облачился по моде, которую он сам ввел: широкие плечи, короткий, распускаемый толстым подбоем камзол, талия немного на бедрах и длинные, до самого пола, рукава. На голове герцога устроился высокий и широкий тюбан, причудливо утыканный перьями. Из-под этого головного убора, будто обнимая его утонченное лицо, ниспадали до плеч блестящие, черные волосы, подкрученные внутрь у кончиков. Цвета сине-красного наряда Альдриана Лиисемского, их насыщенность, контраст и обилие золота, больно резали глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.